

9
с-59

том $\frac{352}{8218}$

Л. Соколовъ-Костромской.

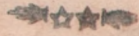
Записки колохозаторов Сибири

- 1233 -
Инв. № 1087
2797

~~Ойротский Государственный Музей~~
в инвентарную к. № 21/10
Под № ~~1087~~ записано

2797

Ойротский Музей

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ, 13
1903

Горно-Алтайский
ОБЛАСТНОЙ НАРОДНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 1233

Дозволено цензурою 30 марта 1903 г. С.-Петербургъ.

ЗАПИСКИ КОЛОНИЗАТОРА СИБИРИ.

I.

Вмѣсто предисловія.

Задумавъ излагать свои мысли по такому важному и жгучему вопросу, какимъ является колонизація нашей отдаленной окраины, я далекъ отъ мысли дать исторію или полную картину этого могучаго движенія народныхъ массъ на востокъ, проистекающаго отъ исканія простора и жизни, лучшей, чѣмъ у себя на родинѣ... Моя задача болѣе скромна. Мнѣ желательно изложить личныя впечатлѣнія отъ нѣкоторыхъ моментовъ колонизаціи, вынесенныя мною съ мѣста, а не изъ книжекъ. Въ этихъ впечатлѣніяхъ читатель можетъ быть, найдетъ не простое изложеніе фактовъ, извѣстныхъ всѣмъ, кто слѣдитъ за переселенческимъ вопросомъ, а отраженіе на населеніи и самихъ исполнителяхъ на мѣстѣ тѣхъ мѣропріятій, которыя вызваны практикою жизни и потребностями времени сообразно съ развитіемъ и прогрессирующимъ движеніемъ переселенія. Всякое явленіе, составляющее за-

мѣтную страницу въ исторіи государства и народа, вызываетъ самыя разнообразныя чувства въ народныхъ массахъ, отражается такъ или иначе въ душѣ народа, постепенно укладываясь въ той или другой формѣ. Мѣропріятія, вызываемыя этими событіями, имѣютъ тоже свою исторію, такъ или иначе отражаются на населеніи, надолго удерживаясь и получая силу незыблемаго закона въ случаѣ ихъ жизненности и безусловной полезности, и отпадая при замѣнѣ другими, имѣющими большее право гражданства, чѣмъ они, въ томъ случаѣ, если эти мѣропріятія явились въ видѣ пробы или опыта. И за это никому нельзя сдѣлать упрека; это лишь показываетъ, что данное явленіе весьма сложно, что къ нему нельзя примѣнить сразу кабинетно задуманную мѣру, а жизнь сама показываетъ, что надо сначала семь разъ примѣрить, а одинъ разъ отрѣзать.

Возьмемъ для примѣра такое явленіе, какъ освобожденіе крестьянъ. Манифестъ 19 февраля 1861 года вызвалъ небывалый восторгъ и необычайный подъемъ духа всего русскаго народа; тѣмъ не менѣе, послѣдствія его не сразу уложились въ ровную, спокойную форму, а сначала было много терній и препятствій на пути его осуществленія; и эти тернія создавались не только заклятыми врагами освобожденія, единичными крѣпостниками-помѣщиками, но также и самимъ народомъ, который всѣмъ наболѣвшимъ своимъ нутромъ сознавалъ его высокогуманную цѣль. Эти препятствія вызывали временныя мѣропріятія, смѣнившіяся новыми; послѣднія опять-таки уходили въ область преданія вмѣстѣ съ удаляемыми препятствіями. Колонизаціонное движеніе имѣетъ много общихъ сторонъ съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости; это тоже, своего рода «освобожденіе» отъ земельной тѣсноты,

«утѣсненія», по выраженію переселенцевъ, отъ той гнетущей нужды, которая народилась вслѣдствіе разныхъ временныхъ причинъ, какъ неурожаи, пожары и прочія бѣдствія, и постоянныхъ такихъ, какъ, напр., естественный приростъ населенія въ малоземельныхъ губерніяхъ нашей матушки Россіи.

Послѣднее освобожденіе, въ отличіе отъ перваго, происходитъ не сразу, а постепенно, по мѣрѣ появленія новыхъ жизненныхъ требованій въ «утѣсненныхъ» губерніяхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи я буду останавливаться на тѣхъ выдающихся дѣйствіяхъ, которыя послужили къ новому направленію переселенческаго дѣла и къ новымъ его приѣмамъ, при чемъ конусъ колонизаціи не только степей и уже готовыхъ для культурной обработки мѣстъ, вблизи населенныхъ пунктовъ, но также и тайги. Дальнѣйшая будущность переселенія заключается исключительно въ использованіи лѣсныхъ пространствъ, иначе говоря, этой самой тайги (довольно таинственнаго понятія для европейскаго читателя), и переселенческая волна все сильнѣе и сильнѣе напираетъ на плотину вѣковыхъ лѣсовъ, стоявшихъ тысячелѣтія на стражѣ заповѣднаго таежнаго царства, ибо колонизаціонныя вмѣстилища въ видѣ готовыхъ для заселенія пространствъ стали тѣсны, и потокъ пришлагаго люда, ищущаго простора, хлынулъ черезъ края этихъ вмѣстителей. Въ силу той важной роли, которую въ будущемъ сыграетъ эта темная, мало извѣданная тайга, придется повнимательнѣе остановиться на ея заселеніи и на тѣхъ мѣрахъ, которыя принимались съ цѣлью изученія ея и расчистки. Такъ какъ заселеніе и изслѣдованіе тайги составляетъ въ настоящее время наиболѣе сложный и жгучій вопросъ, по трудности его разрѣшенія, то съ него я и начну, ибо ей поистинѣ принадлежитъ бу-

дущее колонизаціи. При этомъ я буду писать только то, что самъ пережилъ и видѣлъ, будучи на мѣстѣ, и слышалъ отъ людей-практиковъ, людей дѣла, посвятившихъ лучшіе годы своей жизни колонизаціонному дѣлу.

II.

Вольная колонизація.

Вся исторія колонизаціи Сибири, которая своимъ началомъ можетъ считать XVII столѣтіе, разбивается на двѣ половины; рѣзкой чертой является 1892 годъ, въ которомъ послѣдовало учрежденіе Комитета Сибирской желѣзной дороги, имѣющаго цѣлью, помимо распорядженія денежными суммами, входитъ въ разсмотрѣніе и разрѣшеніе прочихъ вопросовъ, относящихся до вспомогательныхъ предпріятій, связанныхъ съ постройкой Великаго Сибирскаго пути, о которомъ въ прежніе времена не смѣли и думать. Это учрежденіе пролило яркій свѣтъ на предшествовавшія колонизаціонныя попытки; но первая половина исторіи переселенческаго движенія является темною, такъ какъ въ ней дѣйствовали ощупью и несмѣло, въ виду отсутствія средствъ, съ одной стороны, и съ другой — сравнительно малаго вниманія тогдашнихъ высшихъ правительственныхъ сферъ къ заселенію Сибири. И дѣйствительно, на нашей памяти то недалекое время 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда публика говорила съ ужасомъ о Сибири, какъ о страшномъ и далекомъ мѣстѣ ссылки, о такомъ мѣстѣ, куда и знаменитый Макарь рѣдко своихъ телятъ гоняетъ. И если и ѣхали туда по своей волѣ мужички, то это были «отчаянные» люди, по мнѣнію остающихся на насиженной

землѣ ихъ односельчанъ. О тайгѣ же въ то время и помину не было. Это слово было хуже жупела. Муромскіе лѣса казались благоустроенными парками для прогулки въ сравненіи съ «дремучей тайгой». Еще и теперь многіе изъ коренныхъ петербуржцевъ, да и не петербуржцевъ только, спрашиваютъ меня нерѣдко: «Скажите, пожалуйста, что такое тайга? Вѣдь это ужаснѣе костромскихъ лѣсовъ? Какъ вы остались живы? Вѣдь тамъ, говорятъ, медвѣди ходятъ табунами, и каторжники рѣжутъ людей, какъ барановъ?» И эти вопросы задаются теперь, когда въ тайгу уже кое-гдѣ врѣзалась чугунка, и по ней прокатились многіе цивилизованные люди. Можно себѣ представить, что было 20 и болѣе лѣтъ тому назадъ, когда до Томска тащились зимою отъ Нижняго на лошадяхъ и прощались съ уѣзжающими въ Сибирь, какъ будто бы тѣ отправлялись на тотъ свѣтъ!

Итакъ, о заселеніи тайги тогда и помину не было. Разговоры о ней начались только сначала постройки Сибирской желѣзной дороги. Незнаніе тайги, путаница въ представленіи о ней постепенно стали разсѣиваться при столкновеніи съ тѣми піонерами ея, которые изъ числа старожиловъ, преимущественно старовѣровъ, выстроивъ себѣ «келью подъ елью», жили себѣ въ ней, если не припѣваючи, то во всякомъ случаѣ просторно, независимо и нерѣдко выжимали изъ ея скрытыхъ матеріаловъ немалую копѣйку.

Эти застрѣльщики колонизаціи, изъ которыхъ большинство ушло туда въ силу своихъ религіозныхъ убѣжденій и обычаевъ, а другіе ради «утѣсенія», сказывавшагося въ нѣкоторыхъ сибирскихъ деревняхъ, не вѣдая сами того, дѣлали великое дѣло.

Они указывали дорогу дальнѣйшему заселенію тайги, дальнѣйшему и болѣе рациональному размѣще-

пю многочисленныхъ чадъ обширной матери «Россіи», въ которой стало и людно, и тѣсно. Ихъ «заимки» стали образчиками для дальнѣйшаго строительства въ сибирскихъ лѣсахъ, а разработанныя вокругъ этихъ заимокъ пашни и луга явились примѣрами и указателями возможной земледѣльческой культуры въ таежныхъ дебряхъ. И какъ древніе пустынники и схимники, удалившіеся въ лѣсъ для безпрепятственной молитвы, въ концѣ концовъ собирали вокругъ себя многочисленную братію и основывали монастыри и лавры, сдѣлавшіеся въ послѣдствіи многолюднѣйшими, такъ и эти заимщики, сначала одинокіе, работавшіе сосредоточенно и упорно надъ тѣмъ, чтобы «осѣсть» въ тайгѣ и «питаться», своимъ примѣромъ и успѣхами привлекали къ себѣ охотниковъ раздѣлить ихъ участь и кормиться отъ того же лѣса и земли, которыхъ всѣмъ хватаетъ.

Эти отдѣльные примѣры удачной разработки нетронутыхъ таежныхъ пространствъ навели на мысль людей, стоящихъ во главѣ переселенческаго дѣла, о возможности «вольной колонизаціи» въ тайгѣ. Явилось законоположеніе 27 апрѣля 1896 года. Исходили изъ той мысли, что такіе участки, естественно образовавшіеся среди дѣвственнаго лѣса трудами отшельниковъ, не нуждаются ни въ какомъ отграниченіи, что, если къ заимщикамъ приселятся сами собою новые люди, то будетъ хорошо и безъ всякаго обмежеванія, и, наконецъ, подробное правильное обмежеваніе и разбитіе участковъ въ тайгѣ можетъ быть даже бесполезно въ виду того, что они могутъ остаться незаселенными.

Рѣшено было допустить вольное поселеніе; мало того,—его поощрить всевозможными льготами въ видѣ пособій, избавленія на время отъ податей и прочими

облегченіями. Но разъ «вольная колонизація» была допущена и разрѣшена подлежащею властью, наконецъ, возникла мысль о ея урегулированіи, само собою явилась необходимость въ знаніи тайги, которое можетъ быть результатомъ ея изслѣдованія, хотя бы въ пространственномъ отношеніи, не говоря уже о другомъ прочемъ.

Началась съемка тайги, сплошная, съ проложеніемъ визировъ и примѣненіемъ межевой техники (на основаніи циркуляра 1-го мая 1896 года). Эта детальная съемка оказалась слишкомъ дорогой и сравнительно бѣдной по результатамъ, ибо, давая лишь цифры, она не охватывала тайги въ ширь и глубь на громадныхъ ея пространствахъ. Понадобились, хотя не столь точныя, но болѣе обширныя изслѣдованія. Надо было не только снять, но еще и просто осмотрѣть тайгу. И вотъ въ 1897 году наступила эпоха «хожденія по тайгѣ».

Всякое мѣропріятіе, въ особенности поощряемое разными пріятными перспективами, рождаетъ ревностныхъ исполнителей, все равно, какъ война рождаетъ полководцевъ. Такъ случилось и по отношенію «ходьбы по тайгѣ». «Зачѣмъ намъ кони, когда ноги есть?» И вотъ явились настоящіе фанатики ходьбы по тайгѣ... пошли землемѣры, пошли производители работъ, лѣсничіе, лѣсные ревизоры — весь этотъ чиновничій людъ зашагалъ съ буссолюю ¹⁾ и шагомъромъ въ рукахъ по самой глухой тайгѣ съ заранѣе намѣченными маршрутами.

Родились геройство и страшное соревнованіе въ тайгѣ. Руки, ноги, физіономіи рвались въ кровь, пухли лица отъ мошекъ, глаза наливались кровью, происходили обмороки; рабочіе и лошади получали увѣчья,

¹⁾ Буссоль—ручной угломѣрный снарядъ, замѣняющій компасъ.

конечно, многіе изъ рабочихъ разбѣгались, проклиная и тайгу, и «господъ». Однимъ словомъ, совершался «мартирологъ тайги», иначе нельзя выразиться про изслѣдованія 1897—1898 гг. Явились герои и отчаянные по выносливости ходоки, которымъ море по колено — и ничего не стоитъ пройти по тайгѣ десятки верстъ. Это были профессора и орлы таежной «шагистики»... Но, къ сожалѣнію, не все то золото, что блеститъ и бьетъ въ глаза, и не то чреватое плодами добрыми, что кричитъ и пышно цвѣтетъ. Такая же участь постигла и этихъ «первомучениковъ тайги».

Отъ великаго до смѣшного всегда бываетъ одинъ шагъ. При геройствахъ «первомучениковъ хожденія» происходили удивительныя вещи. Задавая себѣ параллельныя линіи по буссоли и измѣряя пройденныя пространства временемъ, онѣ, не рѣдко, выйдя по намѣченнымъ ими параллелямъ, къ вящему изумленію своему, съ одной стороны, и къ радости при встрѣчѣ съ «товарищемъ по несчастію», съ другой стороны, благополучно сходились и раскланивались, выйдя изъ пунктовъ отправленія, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ другъ отъ друга. Аксиома о томъ, что двѣ параллельныя линіи не могутъ сойтись и встрѣтиться, помимо безконечности, блестяще опровергалась въ тайгѣ. Бывали такіе случаи: выходить «ходокъ» въ тайгу съ проводниками, несущими на своихъ горбахъ скудные припасы въ видѣ сухарей. Идутъ первые дни по буссоли честь честью и вдругъ начинаютъ при обходѣ непролазнаго болота отчаянно «плутать». По мѣрѣ истощенія силъ, мѣшки проводниками потихоньку бросаются, и, наконецъ, въ одно прекрасное лѣтнее утро «мученикъ-герой» остается одинъ одинешенекъ въ тайгѣ, ибо его проводники разбѣжались. Тогда онъ, какъ Робинзонъ Крузе, начинаетъ молить Бога о спасеніи, со

слезами неподдѣльными, а настоящими о изведеніи его изъ таежной пустыни...

Таежная... пустыня! Какъ эти понятія другъ друга исключаютъ! Подъ пустыней обыкновенно принято подразумѣвать песчаную безводную степь въ родѣ Сахары или Гоби. А тутъ вдругъ лѣсъ такой, что только «въ небо дыра видна»—и все-таки пустыня, въ которой и погибнуть также легко, какъ въ Сахарѣ, и среди «трехъ сосенъ» заблудиться можно... и, дѣйствительно, бывали случаи, когда на разстояніи 2—3-хъ верстъ люди плутали по цѣлымъ суткамъ и возвращались опять на старое мѣсто, откуда пришли, не подвинувшись далѣе ни на шагъ въ принятомъ направленіи.

Слѣдствіемъ этого хожденія и проложенія рѣдкихъ визировъ было «обслѣдованіе» огромныхъ пространствъ. По официальнымъ даннымъ было открыто для вольной колонизаціи послѣ 1897 года въ одной Томской губерніи 560 тысячъ десятинъ, а въ Иркутской 919 тысячъ десятинъ. Цифры колоссальныя, и просторъ, повидимому, явился громаднѣйшій для переселенцевъ. Но не то получилось на самомъ дѣлѣ. По готовому желѣзному пути переселенцы бросились въ тайгу, начали захватывать лучшія мѣста, покрытыя рѣдкими березо-осиновыми насажденіями, или такъ называемые «бѣлники», не будучи стѣснены никакими ограниченными участками. При этомъ начались споры за лучшія пустыя земли. Какъ голодные волки, напавшіе на добычу, натерпѣвшіеся отъ лишеній, они рвали другъ у друга лакомую пищу, ибо для нихъ, «утѣсненныхъ» на родинѣ, самымъ лакомымъ кускомъ былъ земельный просторъ, при обиліи лѣса, воды, всякой птицы, звѣрья и орѣховаго промысла.

Къ нимъ присоединились старожилы изъ сибирскихъ деревень, почувствовавшіе за собой большее

естественное право на новыя земли. Эти смуты, раздоры и земельныя неурядицы показали оборотную сторону «вольной колонизаціи», обративъ на себя вниманіе руководящаго вѣдомства, которое особымъ циркуляромъ ограничило «вольную колонизацію», официально констатировавъ означенные земельные споры и предписавъ обращаться съ вольною колонизаціею съ большею осторожностью, допуская ее только послѣ «внимательнаго изслѣдованія» мѣстности, «при чемъ должны приниматься во вниманіе естественныя условія каждаго даннаго района».

Но могло ли быть внимательное изслѣдованіе районовъ тайги и урмановъ (особаго типа тайги) при вышеописанномъ «хожденіи по тайгѣ» съ буссолюю и шагомеромъ, при чемъ «мученики» напрягали всѣ силы свои на то, чтобы похвастать наибольшимъ количествомъ пройденныхъ верстъ, а землемеры выбивались изъ силъ, чтобы измѣрить и показать въ своихъ вычисленіяхъ миллионы рекогносцированныхъ десятинъ? Можно себѣ представить, что это было за изученіе мѣстныхъ условій!! Какъ можно въ одно лѣто изучить сотни тысячъ десятинъ земли при разнообразіи самой природы тайги и при сложности ея естественныхъ условій?

Несостоятельность пріемовъ изслѣдованія 1897 года имѣла весьма серьезныя и нежелательныя послѣдствія. Остались какъ бы подъ запретомъ и «заказомъ» цѣлыя сотни тысячъ десятинъ, входящихъ въ районы «вольной колонизаціи». Живымъ примѣромъ можетъ служить районъ вольной колонизаціи въ Маринско-Чулымской тайгѣ Томской губерніи, ограниченный рр. Четью, Тяжиномъ, Кіемъ и др., который имѣетъ болѣе 200,000 десятинъ площади, оставшейся неиспользованной подъ правильное заселеніе и въ которомъ

поселилось ничтожное количество «вольныхъ поселенцевъ», а большая часть до сей поры лежитъ безъ всякаго употребленія; изслѣдованіе же этого огромнаго пространства произведено «хожденіемъ» на столько поверхностно, что простой обзоръ лѣваго берега рѣки Чети уже доказываетъ возможность земледѣльческой культуры и образованія здѣсь переселенческихъ участковъ, правильно отграниченныхъ, чему доказательствомъ служатъ заимки Данилова, Киргизова и др., и, наконецъ, образованіе и заселеніе участковъ въ южной части этого запретнаго пространства «вольной колонизаціи», съ которой снять «заказъ», и гдѣ разрѣшенъ уже правильный выдѣлъ переселенческихъ поселковъ и угодій между рѣками Айдатомъ, Кузминкой и Даниловкой.

Съ увѣренностью можно сказать, что новое тщательное изслѣдованіе естественныхъ условій безъ всякихъ шагомѣровъ, обращающихъ людей въ машины и манекены, при сознательномъ отношеніи къ мѣстной почвѣ, растительному покрову, орошенію и рельефу этого огромнаго пространства, дастъ иные результаты и приведетъ къ инымъ выводамъ и заключеніямъ, открывъ новый фондъ культурныхъ земель какъ для крупныхъ общинныхъ поселеній, такъ и для мелкихъ хуторскихъ хозяйствъ, которыя получаютъ тамъ полное право гражданства.

И это не единственный примѣръ неудачнаго опыта «вольной колонизаціи», которая, къ счастью, нынѣ отходитъ въ область преданій. Такихъ запретныхъ пустыхъ пространствъ найдется немало на громадной территоріи 4-хъ сибирскихъ губерній въ районѣ сплошныхъ лѣсовъ. Чѣмъ скорѣе къ нимъ будетъ примѣнено и осуществлено на дѣлѣ, выраженное въ указанномъ циркулярѣ Министерства Земледѣлія, высокоран-

ціональное требованіе детальнаго изслѣдованія естественныхъ условій, тѣмъ будетъ лучше, тѣмъ далѣе подвинется колонизація заповѣдной тайги и тѣмъ менѣе будетъ ошибокъ при ея эксплуатаціи.

Эксплоатація тайги?! Это вопросъ такой громадной важности въ общегосударственномъ смыслѣ, что обсу-жденію и даже бѣглому выясненію тѣхъ сложныхъ условій и явленій, въ которыхъ придется разобратъся при его возбужденіи, необходимо посвятить особую главу.

III.

Первые взгляды на эксплуатацію тайги.

Самое использованіе громадныхъ таежныхъ пространствъ такой еще мало изученной страны, какъ Сибирь, должно было силою вещей раздѣлиться на два момента, и эксплуатація сибирской тайги должна была преслѣдовать двѣ цѣли. Первая—это возможно большее ея заселеніе, при чемъ необходимо, конечно, изысканіе возможно большаго количества культурныхъ земель среди сплошныхъ пространствъ; при этомъ подразумѣвалась будущая культура при вырубкѣ этихъ лѣсовъ и ихъ корчеваніи. Но, если бы эксплуатація тайги ограничилась этою только цѣлью, то могла бы видимая польза отъ будущаго заселенія превратиться въ непоправимое бѣдствіе, а именно, при исключительномъ использованіи таежныхъ лѣсовъ подъ земледѣльческія угодья могли бы пострадать цѣнные лѣса, проще говоря, будущее таежное населеніе осталось бы безъ лѣса. А потому естественно явилась забота о предохраненіи этихъ, хотя и громадныхъ лѣсныхъ пространствъ, отъ окончательнаго обезлѣсенія. Слѣдова-

тельно, явилась необходимость изданія такого законоположенія, которое бы гарантировало цѣлость цѣнныхъ лѣсовъ. И здѣсь сразу обозначились два противоположныхъ теченія,—и даже въ одномъ вѣдомствѣ, какъ это нерѣдко бываетъ. Колонизаторы говорили: «Давайте намъ лѣса, мы ихъ заселимъ», а охранители лѣсовъ говорили: «Нѣтъ, позвольте, лѣса наши и мы ихъ отпустимъ въ самой минимальной дозѣ, лѣсъ стоитъ денегъ». Тѣ и другіе были правы, но смотрѣли съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія.

Слѣдствіемъ такихъ разныхъ точекъ зрѣнія являлись столкновенія колонизаторовъ съ лѣсными охранителями, и ихъ необходимо было примирить и уладить...

Но прежде чѣмъ перейти къ этому моменту эксплоатаціи тайги, необходимо возвратиться нѣсколько назадъ и пояснить, какимъ образомъ дошли до этой необходимости разграничивать лѣса на двѣ категоріи «наше» и «ваше»,—иначе говоря, на лѣса, проектируемые подъ колонизацію и обрекаемые на вырубку, и на лѣса цѣнные, дѣйствительно требующіе строжайшей охраны. Здѣсь придется натолкнуться на мѣропріятія, которыя на первый разъ какъ будто противорѣчатъ другъ другу. На самомъ же дѣлѣ это противорѣчіе явилось слѣдствіемъ подробнаго и детальнаго изученія естественныхъ условій отдѣльныхъ уголковъ громадной Сибирской тайги, которая и въ будущемъ потребуетъ если не большаго изученія, чѣмъ теперь, то во всякомъ случаѣ не меньшаго.

Дѣло въ томъ, что въ 1895 году было издано распоряженіе, которымъ рекомендовалось переселенческимъ чинамъ не отводить подъ участки пространствъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ, въ коихъ не было бы чистыхъ полянъ, представляющихъ возможность пе-

реселенцамъ при ихъ вступленіи на участки обезпечить себя необходимыми сельско-хозяйственными угодьями.

Между тѣмъ въ 1899 году послѣдовало распоряженіе, въ отмѣну перваго, и было признано, что «отсутствіе въ площади переселенческихъ участковъ пространствъ, свободныхъ отъ лѣса и доступныхъ для немедленнаго обращенія подъ культуру, не можетъ служить препятствіемъ къ заселенію».

Это видимое противорѣчіе двухъ циркуляровъ, между которыми прошло четыре года, явилось слѣдствіемъ колонизаціоннаго опыта и тѣхъ результатовъ заселенія, которые выяснились постепенно, а не сразу; во всякомъ случаѣ эта замѣна двухъ исключаящихъ одно другое распоряженій можетъ быть поставлена только въ заслугу подлежащаго вѣдомства, показывая, что оно при изученіи лѣсныхъ естественныхъ условій колонизаціи прогрессируетъ въ своихъ взглядахъ, а не остается на точкѣ замерзанія. Постараюсь объяснить эти условія.

Сначала колонизація ютилась около заселенныхъ пунктовъ вблизи Сибирской желѣзной дороги. Были свободныя мѣста около селеній старожиловъ, были широкія «елани» (чистыя, непокрытыя лѣсомъ поляны и бугры). Онѣ постепенно заселялись, но при этомъ случались инциденты такого рода, что въ подобныя участки отходили нерѣдко цѣнные лѣса. Происходило это отчасти отъ единовластной дѣятельности колонизаторовъ, которые дѣйствовали нерѣдко смаху, не принимая во вниманіе интересовъ лѣснаго хозяйства. Винить ихъ очень тоже нельзя. Имъ кричатъ сверху: «участковъ, участковъ давайте! Какъ можно больше! Переселенцевъ претъ множество, некуда ихъ дѣвать!»

Ну что же дѣлать колонизаторамъ? Всего не осмо-

трѣть пространства, особенно при прежнемъ старомъ приѣмѣ изслѣдованія. Смотришь, боръ-то сосновый и замежевали въ участокъ, а мужички російскіе пришли да и вырубил боръ. «Гдѣ боръ? ай, ай!» а бора-то и нѣтъ, а онъ большихъ денегъ стоитъ. Да и не одни бора, а и кедровники грѣшнымъ дѣломъ попадали, когда случайно прихватывали тайгу. Немудрено, что лѣсное вѣдомство вступилось за свои прямые интересы, и послѣдовало вышеупомянутое распоряженіе 1895 года, запрещающее отводить пространства, покрытыя лѣсами, въ составъ участка. Да еще и лѣса старожиловъ немало страдали при этомъ, и имъ грозила участь погибнуть подъ топоромъ разохотившагося російскаго пришлага мужичка, которому хранить чужое нечего и который о завтрашнемъ днѣ и для себя-то мало думаетъ, а не то что для сосѣдей.

Но когда пространства «легкія» и «привольныя» около сибирскихъ деревень были исчерпаны, когда «по необходимости» пришлось заглянуть въ тайгу, началось другое дѣло. Увидѣли, что лѣсъ лѣсу рознь и почва отъ почвы разнится. И въ этомъ убѣдились сами переселенцы, изъ которыхъ, какъ констатируетъ распоряженіе 1899 г., «выходцы изъ лѣсныхъ губерній, сѣверныхъ и западныхъ, охотно стали селиться на участкахъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ, и начали быстро обращать подъ культуру необходимое для первыхъ потребностей количество земли». И такими лѣсами, годными для обращенія ихъ послѣ вырубкі въ сельско-хозяйственныя уголья, оказались «бѣльники». Вдаваться здѣсь въ подробное описаніе таежныхъ бѣльниковъ я не нахожу умѣстнымъ, ибо они описаны въ специальной статьѣ ¹⁾.

¹⁾ См. № 7, 1902 г. «Сельское Хозяйство и Лѣсоводство».

Описание характерныхъ свойствъ «бѣльниковъ» съ ихъ растительнымъ покровомъ и насажденіями а также типами, установленными послѣдними изслѣдованіями, завлекло бы меня въ ботаническія дебри, которыя бы превысили требованія и размѣры настоящихъ «записокъ».

Скажу кратко, что подѣ «бѣльниками» подразумеваются березово-осиновыя насажденія, смѣшанныя въ разныхъ пропорціяхъ съ хвойными экземплярами и съ характерной травяной флорой, указывающей на возможность обращенія такихъ пространствъ, покрытыхъ якобы лѣсомъ, но на самомъ дѣлѣ весьма удобныхъ подѣ посѣвы хлѣбовъ и обращеніе въ луга, лишь только этотъ лѣсъ будетъ вырубленъ. И эти бѣльники появляются сплошь и рядомъ въ тайгѣ, состоящей изъ елово-пихтоваго, отчасти сосноваго, и кедроваго лѣса съ болотами и заломами. Вотъ на этихъ-то бѣльникахъ колонизаторы, каковыми являются переселенческіе чины, отчасти и примирились съ охранителями лѣсовъ или, по просту говоря, съ лѣсничими, таксаторами и лѣсными ревизорами.

Въ Россіи, конечно, и березовый лѣсъ представлялъ бы значительную цѣнность, и его бы пожалѣли. Но въ Сибири, въ тайгѣ, гдѣ этого лѣса такая масса, и гдѣ есть поцѣннѣе насажденія, чѣмъ береза, да еще растущая рѣдколѣсьемъ, эти березо-осиновыя насажденія беречь нечего и не для чего. Они всецѣло стали достояніемъ колонизаторовъ; и послѣ распоряженія (циркуляра) 1899 года, которымъ санкціонировалась культурная пригодность бѣльниковъ, лѣсное вѣдомство стало заботиться лишь о томъ, чтобы не дать въ обиду цѣнные лѣса въ видѣ сосновыхъ боровъ, кедровниковъ, листвяжниковъ и пр.

И этотъ циркуляръ явился какъ бы умиротворяю-

щимъ актомъ тѣхъ споровъ, того раздѣленія на «наше» и «ваше», которое царило при столкновеніи лѣсныхъ интересовъ съ колонизаціонными.

Но это умиротвореніе явилось далеко не окончательнымъ. Распоряженіе 1899 года, предоставляющее возможность обращать подъ участки сплошныя лѣсныя пространства, не давало еще твердаго указанія въ отношеніи лѣсовъ, хотя «бѣльники» признаны были малоцѣнными. Помимо бѣльниковъ еще явились вопросы чисто лѣсохозяйственнаго свойства, которые требовали многихъ дополнительныхъ указаній и инструкцій и возбуждали немалые споры.

IV.

Еще о томъ, что «наше» и что «ваше».

Практика дѣла по разграниченію цѣнныхъ лѣсовъ отъ лѣсовъ, подлежащихъ обращенію подъ культуру, потребовала многочисленныхъ инструкцій, явившихся до и послѣ опубликованія циркуляра объ отводѣ бѣльниковъ подъ участки, на которыхъ зиждется истиннѣ настоящая и будущая колонизація тайги.

Еще до изданія этого циркуляра, когда еще «вольная колонизація» царила въ умахъ, благодаря своему громкому названію, и только начиналось ея постепенное ограниченіе въ виду выяснявшейся ея непримѣнности, подтверждаемой фактами, были изданы правила 12-го іюня 1898 года для обследованія лѣсныхъ пространствъ, которыя имѣли цѣлью ограничить то, что «наше» и что «ваше», т. е. выдѣлить цѣнныя лѣсныя дачи отъ колонизаціонныхъ районовъ.

Опять эти районы предназначались преимуще-

ственно для вольной колонизаціи и только отчасти для выдѣла участковъ. При этомъ «бѣльники» уже играли видную роль. На практикѣ, при осуществленіи правилъ 1898 года, изслѣдователи тайги должны были вступить въ соглашеніе между собою о томъ, гдѣ кончается граница цѣнныхъ лѣсовъ, гдѣ начинается районъ будущаго заселенія. Но какъ на самомъ дѣлѣ происходило это соглашеніе и какъ изучался будущій колонизаціонный районъ? Объ этомъ-то и интересно побесѣдовать.

Правила 1898 года рекомендуютъ проведеніе визировъ или инструментальныхъ ходовъ съ точнымъ измѣреніемъ, а также ходы пѣшіе, конные и даже водные. Разумѣется, это предписано съ цѣлью изученія районовъ колонизаціи и дачъ. Между этими визирами изслѣдователи должны осматривать новыя мѣста съ цѣлью установленія границъ «вашего» и «нашего».

Вотъ тутъ-то и заковыка. Какъ въ 1896—1897 г., должно было и тутъ повториться то же «хожденіе по тайгѣ» съ проявленіемъ геройства и отчаянности со стороны производителей работъ и лѣсничихъ, но время свое сдѣлало. Всѣ герои какъ-то пріустились и охладѣли къ ходьбѣ, а нѣкоторые изъ нихъ, сдѣлавшись «особами», опочили отъ трудовъ праведныхъ и махнули рукой на тайгу. «Жизнь своя дороже, къ лѣшему эту тайгу!»—говорили они, а за ними другіе поменьше, а нѣкоторые стали просто-на-просто удирать, если не совсѣмъ изъ вѣдомства, то на «поземельное устройство» крестьянъ-старожиловъ, которое къ тому времени открылось.

Оставшіеся дѣятели рѣшили хитрить, ибо правдой не проживешь, да еще когда-то эта правда, которая съ опасностью жизни добывается, до Питера дойдетъ, а можетъ попадетъ да не въ тѣ руки, а потому, по-

вторяю, дѣятели рѣшили себя щадить и только въ крайнемъ случаѣ выѣзжать въ таежныя дебри. Конечно, были и блестящія исключенія, когда нѣкоторые заинтересовывались какою-либо идеей *сop amoge*, и неустанно колесили по тайгѣ; но такіе на рѣдкость, и про нихъ говорить нечего. Во всякомъ дѣлѣ они бывають, хотя и рѣдко.

При такомъ отношеніи къ дѣлу, не то чтобы халатномъ, а съ нѣкоторой «хитрецей», главное изслѣдованіе возлагалось на межевыхъ чиновъ. А межевые—народъ Божій. Имъ самой судьбой на роду написано вѣчно «шагать за инструментомъ», тонуть въ болотахъ, проваливаться, получать ревматизмы, если Богъ пронесетъ въ тайгѣ и нога или рука не сломаются. Около каждаго изъ нихъ по два ангела приставлено, «дабы хранили ихъ на всѣхъ путяхъ ихъ». Отъ производителей же и лѣсныхъ чиновъ требуется направленіе и провѣрка визировъ, а главное «осмотръ», и притомъ безъ всякихъ существенныхъ доказательствъ знанія осмотровнаго пространства. Подъ доказательствами здѣсь можно представить, при научно обставленныхъ осмотрахъ, демонстрацію привозимыхъ съ осматриваемыхъ мѣстъ различныхъ коллекцій, какъ-то: почвенныхъ, ботаническихъ, геологическихъ, зоологическихъ и пр.

Тутъ же ничего этого не требуется, да и невозможно было требовать отъ личнаго состава производителей, изъ которыхъ многіе не-спеціалисты, какъ-то юристы, филологи и, наконецъ, просто «дѣльные работники», не окончившіе курса ни въ одномъ высшемъ учебномъ заведеніи. Какія коллекціи они могутъ привезти, да и зачѣмъ они, когда не требуются «правилами»? Да и неужели и просто «глазомъ» нельзя землю осмотрѣть? Другое дѣло строить желѣзную до-

рогу, или мосты наводить: тамъ нужна наука, иначе выстроишь такой мостъ, что въ немъ съ подрядчикомъ въ первомъ поѣздѣ провалишься...

И вотъ, такой производитель работъ изъ «среднихъ» долженъ «изучать» колонизационные районы, опредѣлять ихъ пригодность къ культурѣ и «руководить» визирами межевыхъ. Что же онъ дѣлаетъ при такой хитрой задачѣ? А вотъ что. Сначала онъ въ намѣченномъ для работъ районѣ, задавъ визиры межевымъ на основаніи разныхъ опросовъ и посовѣтовавшись съ самими межевыми, среди которыхъ немало есть «дошлыхъ» и «натасканныхъ»,—выжидаетъ, пока межевые съ визирами поуправятся. Время проходитъ отчасти въ городѣ, отчасти въ тайгѣ на охотѣ. Наконецъ, когда наступаетъ «пора», онъ ѣдетъ къ лѣсническому для «соглашенія на мѣстѣ».

Входитъ такой производитель въ квартиру лѣсничаго, который сидитъ въ канцеляріи, переполненной сѣрымъ людомъ, берущимъ лѣсные билеты.

— Можете вы, Иванъ Федоровичъ, поѣхать со мной въ тайгу на-дняхъ?

— А что? развѣ ужъ межевые «покончили»?—отвѣчаетъ тотъ, отрываясь отъ № 495100-го входящихъ бумагъ.

— Да не то, чтобы совсѣмъ, а все-таки надо бы посмотреть, что они тамъ натворили, вѣдь народъ-то ненадежный,—говоритъ производитель.

— А сами-то вы были?—строго спрашиваетъ лѣсничій.

— Да пока еще нѣтъ. Безъ васъ какъ же? нельзя! Какъ я выдѣлю дачи?

— Гм... посмотрите,—говоритъ лѣсничій,—сколько уменя народу! хоть топоръ повѣсь въ канцеляріи!

Какъ я поѣду? помощникъ въ отпуску, а послѣ завтра торги! Какъ я оставлю эту музыку? А самъ думаетъ: «Вотъ черти-то принесли незваного гостя, навязали же за грѣхи мнѣ эту колонизацію; и безъ того дѣла по горло, а тутъ еще изволь ноги ломать по тайгѣ, а я человѣкъ семейный! Нельзя ли сплавить его пока, а тамъ Господь милостивый снѣжку пошлетъ, а по снѣгу кто же пойдетъ?»

— Такъ какъ же, Иванъ Феодоровичъ? — пристаётъ неугомонный производитель, — въ тайгу-то поѣдете?

— Да нѣтъ ужъ, избавьте ради Бога, Федоръ Ивановичъ, — умоляющимъ голосомъ говоритъ лѣсничій, — ей Богу не могу, съѣздите пока вы сами, посмотрите, что ваши тамъ дѣлаютъ, я вамъ объѣздчика дамъ; можетъ быть дачку и намѣтите! Только сосновыхъ боровъ у меня ради Господа не трогайте... Если съ визирами они управятся, можно и планчикъ набросать, вѣдь у васъ межевые — доки по черченію, всякую картину разрисуютъ, — говоритъ съ добродушнымъ смѣшкомъ милѣйшій Иванъ Феодоровичъ.

— Ну, чтожъ дѣлать съ вами? тогда я одинъ съ проводниками поѣду. Только объѣздчика ужъ мнѣ давайте, Иванъ Феодоровичъ, — говоритъ производитель.

— Это съ полнымъ удовольствіемъ, можно, — радостно вскрикиваетъ лѣсничій. Эй, Бешметовъ!

И на зовъ его является трехсаженный объѣздчикъ, служившій въ гвардіи и усовершенствовавшійся по части «внушеній».

— Здѣсь, вашескородіе, — отвѣчаетъ объѣздчикъ, вытягиваясь въ струнку.

— Ты поѣдешь въ тайгу съ господиномъ производителемъ работъ, послѣ завтра, и обязанъ давать всѣ свѣдѣнія по нашимъ дачамъ.

— Такъ тошно, вашескородіе, — отвѣчаетъ тотъ по военному.

— Готовься къ выѣзду...

— Слушаю-съ, вашескородіе...

— Лошадь въ исправности?

— Въ исправности, вашескородіе.

— Придется и пѣшкомъ, пожалуй, — заикается производитель.

— Проведемъ, вашескородіе, и на лошадяхъ... болота объѣдемъ, тайгу мы знаемъ, не впервой, — бойко рапортуетъ объѣздчикъ.

— Ну, вотъ и устроили все, — говоритъ, потирая руки, лѣсничій, — я могу и на торги ѣхать, а то не разорваться же мнѣ...

И дѣйствительно, ему не разорваться, ибо кто служилъ въ провинціи, тотъ знаетъ, какъ лѣсничаго рветъ на части сѣрый людъ съ лѣсными билетами.

— Ну, а какъ вы не согласитесь? — спрашиваетъ робко производитель.

— Я-то! Съ вами-то? Помилуйте, вѣдь одного вѣдомства, хоть и разныхъ департаментовъ... Да, наконецъ, управлюсь я съ торгами, да съ лѣсными заготовками, тамъ къ осени и съѣздимъ. Сразу же зима не наступитъ. Всѣ границы и установимъ заодно, — успокаиваетъ лѣсничій, а самъ думаетъ: «Бешметовъ — прожженная бестія, нашихъ дачъ въ обиду не дастъ; чуть что, сейчасъ мнѣ доложить! Только бы боры сохранить, а тамъ наплевать».

Познакомившіеся ближе производитель и лѣсничій расстаются друзьями. Производитель ѣдетъ въ тайгу въ сопровожденіи объѣздчика и проводниковъ къ стану ближняго межевого, который ему «многое» поразкажетъ. Затѣмъ онъ пробирается отъ визира къ визиру по бѣльникамъ и по «опушкамъ черной тайги»,

руководимый «дошлымъ» объѣздчикомъ. И вотъ, пропутавшись по тайгѣ съ недѣлку или двѣ и наохотившись вдоволь, производитель возвращается въ ближнее селеніе и отдыхаетъ, ругая на чемъ свѣтъ стоитъ, тайгу, и приводя въ порядокъ свои «записи» по изученію колонизаціоннаго района. Въ перспективѣ уже дачи почти намѣчены.

Если же лѣсничій вырвется отъ своихъ текущихъ дѣлъ и пройдетъ съ нимъ въ тайгу въ концѣ работъ хоть разъ, то тогда и дѣло въ шляпѣ. На планахъ, великолѣпно разрисованныхъ зимою, получаютъ стройныя лѣсныя дачи и, густой желтою или синей краской отграниченные, колонизаціонные районы на утѣшеніе департамента. Акты всѣ подписаны и скрѣплены. И вдругъ на дѣлѣ оказывается, что «каналья Бешметовъ» проворонилъ цѣнный боръ, который очертили въ районъ, назначенный для заселенія. Лѣсничій кричитъ карауль, производитель не уступаетъ, ссылаясь на то, что акты и планы всѣ подписаны, районы и дачи запроектированы. Все оставляется до всеисцѣляющей комиссіи по приему участковъ. Въ комиссіи поднимается цѣлый гвалтъ и невообразимый споръ между производителемъ и лѣсничимъ.

— Чего вы смотрѣли, вѣдь вы согласились? — говорилъ колонизаторъ.

— Да, помилуйте, могъ ли я думать, что эдакій лѣсъ постушитъ переселенцамъ?! вѣдь какіе убытки казна понесетъ!.. Вѣдь это грабежъ казны! — кричитъ, за живое задѣтый лѣсничій.

И пошло, и пошло. Предсѣдатель сидитъ, какъ на иголкахъ, и производителя-то «своего» надо по принципу поддерживать, да и лѣсничій-то кричитъ не безъ основанія; положеніе предсѣдателя по истинѣ критическое. Одинъ исправникъ да податной инспекторъ,

коихъ дѣло—сторона, ухмыляются ехидно, думая: «Хорошіе они люди, и производитель и лѣсничій, а вѣрно въ комнаткѣ у себя соглашались, да дачи-то выдѣляли», и дѣло обыкновенно рѣшается тѣмъ, что спорный вопросъ переносится на разрѣшеніе высшихъ инстанцій...

Какъ это подтверждаетъ циркуляръ № 8 1899 г. не было на практикѣ ни надлежащаго осмотра, ни соглашенія, вслѣдствіе чего явилось необходимымъ сдѣлать существенныя измѣненія въ вышеупомянутой инструкціи, которыхъ сущность и примѣненіе мы и рассмотримъ.

V.

„Блужданье“ и „Сидѣнье“.

Погрѣшности въ исполненіи инструкціи 1898 года были признаны официально и требовали дополненій. Наконецъ, «вольная колонизація», погрузившаяся въ Лету, и занимающая въ означенной инструкціи немалое мѣсто, влекла за своимъ исчезновеніемъ значительныя поправки.

Новый циркуляръ 1899 года, о которомъ было упомянуто, вносилъ эти поправки, подчеркивая усиленно «соглашеніе», но былъ слишкомъ кратокъ для того, чтобы охватить всѣ случаи и требованія практики. Онъ какъ бы замѣнялъ инструкцію, не отрицая и не подтверждая ея. Примѣненіе на практикѣ инструкціи показалось очень дорогимъ, ибо надо было проводить визиры, дорого стоящіе, давать особыя средства и пособия для тайги. При исполненіи циркуляра, какъ будто этого не требовалось, и какъ будто бы достаточно было одного «осмотра» и «соглашенія», а съ

другой стороны какъ будто было и мало этого. Вообще переселенческіе чины и лѣсничіе долго надъ нимъ ломали головы, читали его, вчитывались, учили наизусть, а все-таки не могли въ толкъ взять, какъ его исполнить.

Рѣшено было визиры бросить и ѣхать въ «тайгу», для осмотра и глядѣть, глядѣть безъ конца. «Соглашеніе», конечно, осталось въ вышеописанной формѣ, но только прежде визиры все-таки указывали направленіе, а тутъ началось просто путанье по тайгѣ. Производители работъ ѣздили вдоль и поперекъ и «осматривали» и, въ концѣ концовъ, составляли «записки». Но куда помѣстить на карту ихъ осмотрѣнныя мѣста, къ чему привязать, это оказывалось головоломнѣйшей задачей, какъ для техниковъ, исполнявшихъ такія «блуждающія» карты, такъ и для самихъ «путешествующихъ» производителей работъ.

Такъ проработали лѣто 1900 года. «Открытій» при этомъ было сдѣлано немало, при чемъ подъ «открытіями» нужно подразумѣвать удобныя для культуры мѣста, среди черной тайги, но эти «открытія» бесполезно висѣли въ воздухѣ, будучи нанесенными на чертежи, ни къ чему не привязываясь и не цѣпляясь. Можетъ быть хорошее мѣсто въ тайгѣ, на 15 верстъ отъ ближайшаго поселка, а можетъ и на 25, — Господь знаетъ. Рисунки получались красивые и маловѣроятные.

Опредѣленія колонизаціонной вмѣстимости тайги при такихъ блужданіяхъ были, по выраженію одного автора нѣкоторыхъ «матеріаловъ», неуловимы и слишкомъ неопредѣленны. Дѣйствительно, проплутавъ недѣлю-двѣ по тайгѣ, хотя бы съ компасомъ, попробуйте опредѣлить, сколько тысячъ десятинъ вы исколесили такъ, «на глазъ». Будьте хоть самимъ Архимедомъ, и

то призадумаетесь. Впрочемъ, по примѣру того солдата, который, по требованію начальства, не задумавшись, опредѣлилъ сколько звѣздъ на небѣ, и тутъ показывались данныя ошеломляющаго свойства; конечно, иногда они и были близки къ дѣйствительности, но весьма рѣдко.

Но и здѣсь дѣло не обошлось безъ нѣкотораго геройства. Какъ прежде въ 1897 году были знаменитые «ходоки» по тайгѣ, такъ и тутъ появились «ѣздоки» и «наѣзтники», хотя и менѣе прославленные. Рѣшили между собою безмолвно изслѣдователи, что ѣздить много спокойнѣе, хотя и небезопаснѣе, ибо паденій съ лошади при этомъ не оберешься и вопросъ еще, какъ упадешь: можно и шею или ногу сломать и въ болотѣ утонуть съ лошадыю. Конечно, «бѣльники» выручали, которыхъ «ѣздоки» держались во время своихъ разѣздовъ, объѣзжая, по возможности, таежный «хламъ», заломы и «поскотины»¹⁾ тайги. Ѣздили съ проводниками и собаками не безъ интересныхъ приключеній и встрѣчъ въ родѣ убійства лосей и медвѣдей, открытія избушекъ разныхъ отшельницъ и отшельниковъ, ночуя въ палаткахъ то у болота, то у таежной рѣчки, и не вѣдая, когда Господь выведетъ изъ таежной пустыни. Результаты этихъ «блужданій» были далеко не у всѣхъ; только тѣ дали интересные результаты, кто не ограничивался однимъ «осмотромъ», а примѣнялъ методы общаго естественно-историческаго изслѣдованія. Да и тѣ какъ-то конфузились показывать добытыя данныя и коллекціи, какъ будто бы это было отъ лукаваго и «по собственному желанію», и не были увѣрены, будетъ ли еще это одобрено и какъ на это взгля-

¹⁾ «Поскотиной», зовется въ Сибири отгороженное мѣсто около селенія для пастьбы скота.

нутъ «завѣдывающіе» и ревизующіе. Однимъ словомъ, это было не въ модѣ, не въ ходу, и о такихъ «новшествахъ» старались помалкивать даже люди, нечуждые по образованію естественныхъ наукъ и даже когда-то державшіе экзаменъ изъ нихъ. А почему они такъ относились къ этимъ новшествамъ? Потому, что не было прямого указанія свыше; а разъ не было, нечего объ этомъ и разговаривать и фантазировать. И это заключеніе было сущимъ кладомъ для лицъ «дѣйствующихъ» и совсѣмъ свободныхъ отъ наукъ «по естественной исторіи». Тѣ положительно при этомъ поднимали голову и настораживали уши.

— А кто указаль про образцы и коллекціи?— Не годующе спрашивали они. Гдѣ это написано и за какимъ номеромъ?

Естественникъ-любитель закусываль губы, проглатывая языкъ, и подальше пряталь свои собранныя сокровища, дабы этимъ «хламомъ» не возбудить смѣхъ и нареканіе, что онъ «манкируетъ дѣломъ». А въ чемъ это дѣло заключалось при такомъ «блужданіи», если отбросить попутные сборы коллекцій, онъ никакъ не могъ постигнуть. Тутъ ужъ начинается такая абракадабра, которую только могутъ выяснить «завѣдующіе» такимъ «дѣломъ».

— Вы опишите,—инструментироваль такой завѣдующій,—тайгу такъ, что бы видно было, что вы въ ней были.

— Почему же это видно? — робко спрашиваль натуралистъ, «зараженный» коллекціями.

— Какъ почему? всегда можно составить такъ описаніе, что видно, что это съ природы взято и чѣмъ больше человекъ объѣздитъ, тѣмъ это виднѣе,—кипятился завѣдующій.

— Да я могу вамъ, сидя въ городѣ, побывавъ хотъ

разъ въ тайгѣ, всю тайгу описать въ такомъ родѣ,—возражаетъ ему «дерзкій» натуралистъ,—вѣдь приѣзжаютъ же нѣкоторые изслѣдователи изъ Петербурга и въ какой-нибудь мѣсяцъ описываютъ цѣлые милліоны «колонизаціонной вмѣстимости» и даже не безъ убѣдительной дѣловитости...

— Ну это, знаете, люди высшаго полета и ума,—строго говоритъ завѣдующій,—вы не можете себя къ нимъ приравнивать.

— А все-таки, тѣмъ не менѣе,—возражаетъ «дерзкій»,—хоть это не будетъ такъ смѣло и громко и не будетъ имѣть рѣшающаго значенія, а возможно... Вотъ если бы потребовали неопровержимыхъ доказательствъ этого осмотра, тогда, конечно, и господинъ «смѣлаго ума и полета» призадумался бы.

— Какія же по вашему доказательства?—спрашиваетъ завѣдующій.

— Коллекціи почвъ, гербаріи, измѣреніе древесной растительности, рельефа и проч., чему насъ учили,—отвѣчаетъ «дерзкій».

— Ну это, знаете, излишняя роскошь, и этого отъ насъ не требуютъ,—обрываетъ завѣдующій.

— Очень жаль,—заканчиваетъ разговоръ «дерзкій».

И они разѣзжаются, недовольные другъ другомъ, чувствуя въ душѣ, что каждый правъ по-своему, и каждый дѣлаетъ, какъ будто не то, что надо и что «требуется», и зарождаются сомнѣнія и вопросы, «а можетъ, и требуется? а можетъ быть, и не нужно?» И каждый хочетъ проникнуть въ эту загадку. Вопросъ крайне щекотливый, въ особенности для лицъ неподготовленныхъ и «съ чистою душою», необремененныхъ науками, «дѣльныхъ работниковъ» и «людей неуклоннаго исполненія».

Вотъ всѣ эти контроверсіи, всѣ эти блужданія и

въ тайгѣ и въ мысляхъ заставили принять особыя мѣры для приведенія въ порядокъ и къ какому-нибудь исходу этой общей нерѣшительности и недоумѣнія. Рѣшено было собрать мѣстные совѣщанія передъ открытіемъ новыхъ работъ, чтобы въ этихъ совѣщаніяхъ разобратъся во всей этой путаницѣ, въ «блужданіяхъ», въ «соглашеніяхъ», въ приемахъ опредѣленія, что «наше» и что «ваше».

...Былъ я на такомъ совѣщаніи мѣстныхъ дѣятелей. Многочисленно оно было и разношерстно. Тутъ были и чисто лѣсные люди, живущіе въ медвѣжьихъ углахъ и обросшіе волосами, и колонизаторы тайги, наконецъ, колонизаторы степей, никогда не бывавшіе въ тайгѣ, но призванные волею судьбы «руководить» и «завѣдывать» таежными работами на томъ предвзятомъ основаніи, что «дѣльный работникъ» и «разумный человѣкъ» вездѣ найдется и ориентуруется, во всякомъ дѣлѣ; посади его изъ степи хотя бы новый мостъ черезъ Неву строить или заставь Исаакіевскій соборъ ремонтировать,—и тутъ онъ не напортитъ, потому что онъ «на хорошемъ счету» и считается «способнымъ» и «ловкимъ» человѣкомъ, рожденнымъ «руководить» и «парить надъ бездной»...

Интересно слушать такихъ «способныхъ» людей въ комиссіяхъ, когда они говорятъ о незнакомомъ для себя предметѣ. Посмотрите на такого оратора, какъ онъ закругляетъ фразы своей рѣчи,—ибо онъ непременно долженъ по природѣ своей сказать «рѣчь», иначе онъ не можетъ, онъ привыкъ, чтобы ему вняли терпѣливо и даже съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ,—тогда онъ расходится и начнетъ непременно съ Адама и все ходитъ «вокругъ да около» предмета, къ нему подходитъ и все-таки не касается, ибо сути-то дѣла и не знаетъ...

Но въ этомъ совѣщаніи произошло совершенно обратное. Таежные люди, не привыкшіе къ раболѣпному вниманію, а также дикіе колонизаторы, не видѣвшіе «стройныхъ» комиссій, увидали въ рѣчахъ этого оратора что-то «неладное». Сначала слушали молча и напряженно, но вдругъ одинъ изъ нихъ ляпнулъ:

— Что онъ за чушь городить, вѣдь это онъ о степи говоритъ, а не о тайгѣ. А мы и уши распустили!

И тутъ произошло нѣчто неслыханное. Конечно, читатель знаетъ извѣстную сказку про сумасшедшаго короля, который ходилъ голый по базару своей столицы и всѣмъ подданнымъ было приказано непременно восхищаться пышными одеждами, будто бы на него надѣтыми, и всѣ восхищались, а нѣкоторые молчали. И вдругъ ребенокъ въ толпѣ крикнулъ: «да вѣдь онъ голый!» И тогда всѣ повторили, не смотря на строгій запретъ. Такъ и тутъ произошло. Съ легкой руки «дикаго» таежника, и остальные принялись щипать оратора и требовать отъ него дѣла, а не рѣчей. Предсѣдатель былъ человѣкъ слабый и «халифъ на часъ» и потому только махалъ руками и звонилъ въ колокольчикъ. Его заступилъ другой, еще болѣе слабый, который былъ совсѣмъ не въ курсѣ дѣла, но проникнутый уваженіемъ къ оратору, который, ссылаясь на какія-то «полномочія, данныя ему въ Петербургѣ», не давая доказательствъ этихъ полномочій, и ставилъ вопросы ввѣреннаго ему дѣла. Предсѣдатель старался выручить изъ бѣды залетѣвшаго не въ свои сани «степного» оратора и еще болѣе его топилъ неумѣлымъ заступничествомъ. Это заступничество и «рѣчи» распаляли страсти. Колкости и шпильки сыпались градомъ со стороны таежныхъ людей. Требовали разрѣшенія вопросовъ, которые все болѣе и болѣе запутывались. А вопросы были весьма существенные для

работъ. Надо было выработать нѣчто новое изъ инструкціи и циркуляра и предусмотрѣть всѣ детали техническихъ работъ, установивъ настоящее соглашеніе для опредѣленія «вашего» и «нашего», т. е. будущаго лѣснаго достоянія и колонизаціоннаго фонда въ тайгѣ.

Техники кричали, что одинъ циркуляръ не примѣнимъ, что онъ не годится для работъ, выставяя всѣ преимущества инструкціи. Предсѣдатель и ораторъ стояли за циркуляръ. Таежники настаивали, что до сихъ поръ соглашенія на «наше» и «ваше» не было; предсѣдатель съ ораторомъ изумлялись и говорили, что «соглашеніе должно быть, и если его не было, то виноваты исполнители и участники соглашенія». Сначала рѣшено было все оставить постарому и все взвалить на лѣсничихъ, какъ на участниковъ соглашенія.

— Помилуйте, — кричалъ одинъ производитель работъ, — да мой Иванъ Федоровичъ ни за что съ мѣста не двинется! Онъ такъ заваленъ дѣлами...

— Да и мой Сидоръ Петровичъ тоже! — кричалъ другой. — Это значитъ — опять полѣзай въ тайгу одинъ и дѣлай, какъ знаешь! Нѣтъ, ужъ это дудки-съ!

— А потомъ разбирайся и воюй въ комиссіи, знаемъ мы это, — кричитъ третій.

Тогда рѣшено было къ каждому производителю работъ послать по особому лѣсному чину въ видѣ таксаторовъ или помощниковъ лѣсничихъ. — «А гдѣ ихъ возьмешь?» — спросилъ предсѣдатель. Стали опять толковать... Оказалось, что далеко не всѣмъ хватило лѣсныхъ чиновъ и одинъ важный районъ остался безъ лѣснаго чина. Рѣшили просить департаментъ.

— Позвольте, а какже я начну работы безъ лѣснаго чина? — спросилъ заинтересованный производитель.

Тогда его умаслили тѣмъ, что онъ очень опытенъ и можетъ дѣло вести «пока» одинъ, а затѣмъ изъ

Питера, Богъ дастъ, и пришлютъ. А дѣло-то происходило въ послѣднихъ числахъ мая, когда уже давно надо было бы на работы выѣхать. А мы сидѣли въ «засѣданіи»... и сидѣли, ни много ни мало, пять сутокъ, ибо съ перерывами нерѣдко и ночи прихватывали. Говорили, Господи, сколько говорили! Даже на пятые сутки у нѣкоторыхъ голосъ пропалъ, такъ что въ ближайшемъ ресторанѣ пришлось отливать пересохшія глотки, чтобы появились голоса. Настоящее «Севастопольское сидѣнье» было!

Въ результатѣ получились мелочи. Вырѣшили, напримѣръ, проводить въ тайгѣ визиры черезъ восемь верстъ, иногда и чаще, смотря по мѣстности, помимо «осмотра» производителей вмѣстѣ съ лѣсными чинами. Гора родила мышъ. Получилось возвращеніе къ прежней инструкціи. О практикѣ дѣла ни полслова. Одинъ изъ вольнодумцевъ заикнулся было объ изученіи «естественныхъ условій» тайги и о «сборѣ коллекцій». Но всѣ такъ озвѣрѣли за эти дни сидѣнья, всѣмъ такъ тошно было, что на него накинудись даже. «Вы опять со своей ботаникой лѣзете! Къ чему это? Кто указалъ?.. Бросьте, оставьте!.. не затягивайте засѣданія, вѣдь у всѣхъ животы подвело... пора и кончить!.. Вѣдь эдакъ мы и июнь просидимъ!.. Когда же работать?» Противъ такого аргумента вольнодумецъ не пошелъ и замолкъ, но, конечно, не бросилъ своей идеи, а рѣшилъ ее осуществить на дѣлѣ за свой страхъ. Однимъ изъ главныхъ результатовъ было то, что председатель и ораторъ изрядно оконфузились, и спѣси съ нихъ порядочно посбили.

Начались работы вслѣдъ за «Севастопольскимъ сидѣньемъ». Межевые чины начали гнать визиры изслѣдованія и проводить кое-гдѣ дороги. Дорожный вопросъ выступилъ съ необычайной яркостью и жизнен-

ностью. Дѣйствительно, какъ проникнуть переселенцы на участки, отводимые въ тайгѣ, когда къ нимъ и дорогъ нѣтъ и приходится только попадать «на вершней» по мѣстному выраженію, что значитъ «верхомъ на лошади»? Вѣдь не на цѣпяхъ же будутъ съ неба спускаться на нихъ люди? А такіе участки сплошь и рядомъ образовывались; взять хотя бы Маріинско-Чулымскую тайгу, столь многообразно описанную, и знаменитую заимку Поваренкину, которую посѣщали многія пріѣзжія лица. Она уже получила нѣкоторую извѣстность въ литературѣ, благодаря сдѣланнымъ о ней сообщеніямъ въ періодической и научной печати за послѣднее время. Безъ дорогъ въ эту тайгу и на эту заимку никакъ не попадешь. А денегъ для постройки дорогъ было, что называется, въ обрѣзъ, а для Чулымской тайги тогда и вовсе не хватало въ специально дорожныхъ источникахъ. Поэтому рѣшено было строить дорогу на расстояніи 60-ти верстъ на межевыя средства, въ противномъ случаѣ землемѣры остались бы въ тайгѣ безъ провіанта, ибо она должна была служить и для подвозочныхъ цѣлей.

Настоящей дороги, конечно, не могли сдѣлать, по незначительности ассигнованныхъ средствъ, но тропу широкую прорубили и по ней было свободно ѣхать верхомъ, а на протяженіи 15-ти верстъ даже возможно было проѣхать въ телѣгѣ. Расширили ли ее дальше въ настоящую дорогу къ заимкѣ Поваренкиной, какъ это было рѣшено въ комиссіи,—не знаю; одно только могу сказать, что она стоила страшныхъ трудовъ для исполнителей. Производитель работъ долженъ былъ на время превратиться въ инженера путей сообщенія, а межевыя чины въ дорожныхъ техникувъ, за отсутствіемъ таковыхъ. Господи милостивый! Что это за страдающая и отвѣтственная личность «производитель

работъ!»! И агрономомъ-то онъ долженъ быть, и межевымъ, ибо онъ руководить межевыми работами, и строителемъ дорогъ, и, наконецъ, вообще, изслѣдователемъ. Однимъ словомъ, лучшій отвѣтъ при его поступленіи на службу, если онъ хочетъ вполне оказаться достойнымъ занять столь отвѣтственный «постъ»,— это сказать: «я все могу»!

Но я уклонился; продолжаю описаніе «событій». Итакъ, начались работы, частью строительныя, частью по изслѣдованію все той же тайги. Производители работъ полѣзли въ нее solo за межевими, проводящими визиры черезъ восемь верстъ и прорубающими дороги. Въ нѣкоторыхъ районахъ съ ними поскакали и таксаторы, но не повсюду. «Опытный», но вольнодумный, производитель остался безъ лѣсного аккомпаниатора и долженъ былъ на свой страхъ и рискъ отводить и дачи лѣсныя въ проектѣ, и выдѣлять колонизаціонные районы «до пріѣзда лѣсного изъ Питера». Проходитъ іюль, проходитъ августъ, начинаются уже дожди и такая сырость въ тайгѣ, что не приведи Боже,—а лѣсного чина нѣтъ, какъ нѣтъ. «Вольнодумецъ» пишетъ, молить, что вотъ, наконецъ, настанетъ время, когда уже въ тайгу и собаки не загонишь; а лѣсного все нѣтъ, какъ нѣтъ!

Наконецъ, въ концѣ августа, пріѣзжаетъ, но не изъ Петербурга, а изъ гористаго лѣсничества (изъ мѣстности совершенно другого характера) помощникъ лѣсничаго. Пріѣзжаетъ и вопить:—«Скажите, зачѣмъ это меня потребовали? Зачѣмъ я понадобился? Вѣдь я и прогоновъ-то пока не получилъ!»

— Получите потомъ,—утѣшаетъ его производитель.

— Да я, кромѣ коротенькой бумаженки изъ управленія и инструкцій никакихъ не имѣю,—говоритъ лѣсной человѣкъ.

— Бросьте это дѣло!.. я покажу вамъ всѣ инструкціи, я признанъ «опытнымъ», поѣдьте и положитесь на меня,—отвѣтилъ производитель.

Поѣхали въ тайгу. Начали дѣйствовать. Въѣхали въ черную тайгу, гдѣ «въ небо дыра», при чемъ лѣсничій неоднократно сваливается съ лошади отъ непривычки ѣздить по такимъ тущобамъ, ибо въ горной тайгѣ его лѣсничества существуютъ и дороги, и тропы для разѣздовъ.

— Господи! и зачѣмъ это меня сюда послали? За какіе грѣхи!—воскликаетъ онъ.

Послѣ тайги пошли высокоствольные «бѣльники». Начинается «соглашеніе».

— Да неужели это подъ участокъ?—спрашиваетъ лѣсничій.

— Да вѣдь тутъ все береза,—возражаетъ производитель.

— Да у насъ такая береза считается цѣнной,—говоритъ лѣсничій.

— А вотъ посмотрите сосѣдніе участки, какія тамъ березы!..

— Странно, ничего не понимаю,—говоритъ лѣсничій,—совсѣмъ я этой мѣстности не знаю! Ну и пусть идетъ подъ колонизацію...

Далѣе ѣдутъ, попадается рѣдкій соснякъ пополамъ съ березникомъ. Лѣсничій смотритъ на планчикъ лѣсничества и, такъ какъ это насажденіе произрастаетъ около сплавной рѣки, то оно на чертежѣ всей дачи помѣчено, да еще въ видѣ сосноваго бора.

— Гдѣ же тутъ боръ?—воскликаетъ производитель.

— А вотъ на планѣ,—указываетъ лѣсничій.

— Да въ натурѣ-то гдѣ?

— Въ натурѣ, гм... да... это странно... былъ, вѣроятно...

— Да куда же его теперь по вашему? — спрашивает производитель.

— Ну, конечно, въ лѣсную дачу, — говоритъ лѣсничій.

— Да какой же это цѣнный лѣсъ, когда рѣдколѣсье березовое и сосна отъ сосны на версту?! Вѣдь если мы передадимъ его въ казну, мы отрѣжемъ переселенцамъ доступъ къ водѣ, вѣдь тутъ далѣе вправо бѣльники идутъ, тутъ будутъ участки,halbwegs рѣка, около нея уже участокъ заселяется.

— Мнѣ ревизоръ говорилъ строго-на-строго, чтобы не касаться этой полосы и выдѣлить изъ нея казенную дачу, — упорно настаиваетъ лѣсничій.

— Какъ хотите, но я не могу на это согласиться, — отрѣзываетъ производитель, — я не могу оставить переселенцевъ безъ воды.

— А я не могу отдать этой полосы, — возражаетъ лѣсничій.

— Ну тогда помѣтимъ эту полосу спорною и внесемъ это въ комиссію согласно послѣдняго циркуляра!

— Какъ въ комиссію? Вѣдь согласно инструкціи 1898 года наши съ вами разногласныя мнѣнія вносятся въ особое совѣщаніе, — говоритъ лѣсничій, тыкая пальцемъ въ развернутую «инструкцію», съ которой онъ даже спалъ.

— Какая инструкція? да вѣдь она отмѣнена, мы должны дѣйствовать согласно циркуляра, — огорошиваетъ его производитель.

— Когда? Какъ? Я ничего не знаю.

— Какъ же, я писалъ завѣдующему, и онъ написалъ мнѣ «строгую» бумагу, что работы должны вестись согласно циркуляра и только нѣкоторыхъ пунктовъ инструкціи, а прочіе отмѣняются, въ томъ числѣ и тотъ, на который вы указываете.

— Господи! Да что же это такое творится?.. Вѣдь мнѣ же Управленіе предписало дѣствовать согласно инструкціи! — восклицаетъ опѣшившій лѣсной чело-
вѣкъ.

— Ничего не знаю! Я имѣю другое распоряженіе.

Картина. И такъ всю дорогу. Инструкція, циркуляръ; циркуляръ, инструкція,—вотъ на этомъ вертѣлись всѣ разговоры нашихъ путниковъ.

— И зачѣмъ меня только потревожили? И зачѣмъ меня втяпали въ эдакую путаницу?—стоналъ наивный и пунктуальный лѣсной чело-
вѣкъ всю дорогу.—Хоть бы сохатаго (лося) или медвѣдя встрѣтить, все бы легче было!—говорилъ онъ, будучи завязтымъ охотникомъ. Но и того, къ сожалѣнію, не попадалось.

Проѣздили они весь сентябрь, колеся вдоль и поперекъ съ цѣлью выяснить границы «вашего» и «нашего». Наконецъ, до того доѣздили, что выпалъ снѣгъ, заставшій ихъ вдали отъ всякаго жилья, до котораго надо было скакать не одни сутки. Пришлось мерзнуть по ночамъ въ палаткѣ, рабочіе стали роптать, заморозило какъ-то сразу, и уже никакіе костры не могли согрѣвать леденѣющихъ людей. Пришлось поворачивать свои стопы домой,—а добрая часть намѣченнаго района, осталась еще неизслѣдованной!

— Какъ тутъ быть?—спрашивали они другъ друга, дуя въ кулаки и топчась по снѣгу.

— Чтожъ? не околѣвать же намъ изъ-за того, что меня поздно командировали,—говорилъ «лѣсной».

— Оставимъ это пространство подъ сомнѣніемъ до слѣдующихъ работъ!

— Идетъ,—обрадовался «лѣсной»,—а то я, ей Богу, не могу больше, совсѣмъ замерзаю, да и люди наши тоже!

Поѣхали въ деревню, къ великой радости провод-

никовъ, которые совершенно упали духомъ и начали роптать, заломивъ страшныя цѣпы.

Въ деревнѣ уже лежалъ пакетъ, присланный изъ во-
лости, съ новымъ сюрпризомъ....

VI.

О комиссіяхъ.

Въ пакетѣ заключалось распоряженіе, въ которомъ говорилось, что, на основаніи соглашенія двухъ вѣдомствъ, члены временной комиссіи по утвержденію переселенческихъ участковъ должны выѣхать «одно-
временно» для осмотра участковъ, образованныхъ въ теченіе лѣта нынѣшняго года, и что ихъ долженъ сопровождать производитель работъ.

Производитель и «лѣсной» остолбенѣли, прочитавъ эту бумагу.

— Какъ же поѣдутъ члены комиссіи осматривать участки по снѣгу? Вѣдь мы и то едва не замерзли въ вѣ тайгѣ! воскликнули они въ одинъ голосъ.

Распоряженіе было написано въ концѣ августа, а пришло изъ губернскаго города въ концѣ сентября въ деревню.

— Что тутъ дѣлать? какъ тутъ быть?—ломалъ голову опытный «производитель».

— Мое дѣло сторона,—говорилъ «лѣсной»,—скоро вы меня отпустите?

— Нѣтъ еще, надо подписать акты и чертежи нашихъ новыхъ дачъ и колонизаціонныхъ районовъ,—говорилъ производитель.

— Боже мой, это безъ конца! И зачѣмъ меня только потревожили?! я вѣдь тутъ съ боку-припеку!—стоналъ «лѣсной».

— Ну нѣтъ-съ, ужъ назвались груздемъ, полѣзайте въ кузовъ, а пока поѣдемъ вмѣстѣ къ крестьянскому начальнику и порадуемъ его «приятной новостью»!

И они черезъ два часа тряслись въ телѣжкѣ по обледенѣлой землѣ, покрытой снѣгомъ и замерзшей грязью. Вокругъ бѣлѣли безконечныя поля, на которыхъ уже нельзя было различить, лугъ это или пахота. Изъ подъ снѣга печально выглядывали желтые стебли увядшихъ растеній.

— Ну какъ они, члены, будутъ осматривать участки? какія земли они могутъ увидать теперь? Это ужасъ!— восклицалъ лѣсничій.

Читателю, не знакомому съ правилами отвода и образованія переселенческихъ участковъ въ Сибири, необходимо знать, что для утвержденія ихъ собираются подъ предсѣдательствомъ завѣдующихъ временными переселенческими партіями такъ называемыя временныя коммиссіи, которымъ предоставлено право утверждать проекты образованныхъ въ теченіе полевыхъ работъ участковъ. Эти проекты вносятся на разсмотрѣніе коммиссіи производителями работъ. Коммиссіи состоятъ изъ крестьянскаго начальника, исправника, податного инспектора, лѣсничаго, переселенческаго чиновника и производителя работъ, вносящаго проектъ. Члены коммиссіи облечены полномочіями измѣнять проекты вносимыхъ на разсмотрѣніе участковъ, или вовсе ихъ отмѣнять. При необжалованіи въ мѣсячный срокъ, эти участки получаютъ законную силу и передаются крестьянскимъ начальникамъ для водворенія переселенцевъ. Изъ этого видитъ читатель, насколько важна функція коммиссій, и это полномочіе имѣетъ глубокой смыслъ, ибо извольте-ка по каждому проекту производителя сноситься съ Петербургомъ и испрашивать утвержденіе. Но всякая прекрасная мысль тре-

буетъ не менѣе хорошаго исполненія. На самомъ дѣлѣ, какъ будутъ судить члены комиссіи объ участкахъ совершенно новой мѣстности, не выдавъ ихъ въ натурѣ? По планамъ? Но могутъ ли планы дать вѣрное представленіе о совершенно незнакомой мѣстности? Разумѣется, нѣтъ.

Когда участки отводились въ мѣстностяхъ, близкихъ къ селеніямъ, осмотръ ихъ не представлялъ затрудненія и каждый изъ членовъ комиссіи могъ безъ всякаго труда попутно осмотрѣть ихъ, если къ тому имѣлъ стремленіе; но и тутъ было дѣло не безъ курьезовъ, о которыхъ поговорю въ другой главѣ.

Но когда работы стали производиться въ тайгѣ за десятки верстъ отъ жилыхъ селеній,—то какъ туда по-тащутся члены комиссіи, изъ коихъ нѣкоторые, и верхомъ-то ѣздить не умѣютъ, а привыкли ѣздить по дорогамъ въ своемъ экипажѣ, съ удобствомъ? Очевидно, приходится принимать на вѣру проекты работающихъ въ тайгѣ производителей, съ которыми могутъ вступать въ пренія по поводу того или другого участка одни представители лѣсного вѣдомства, но и то лишь тѣ, которые побывали на мѣстахъ работъ. Другіе же являются ассистентами пререкающихся сторонъ, въ довольно пассивной роли. Поэтому распоряженіе объ осмотрѣ въ натурѣ вносимыхъ въ комиссію участковъ имѣло по существу дѣла полное основаніе, въ виду предшествовавшихъ инцидентовъ. Но когда и какъ оно пришло на мѣста работъ? Виновата ли тутъ почта, или другой кто, не станемъ входить въ разборъ этого вопроса «кто виноватъ»? Виноватый всегда отыщется, но вся суть въ фактѣ, что это распоряженіе пришло на мѣсто работъ, когда ужъ выпалъ снѣгъ и началась та-

кая погода, въ которую хорошій хозяинъ, какъ говорится, собаки не выгонитъ на улицу.

Наши путники, въ таежныхъ костюмахъ, съ «бумагою» въ рукахъ, ввалились въ квартиру крестьянскаго начальника, обремененнаго немалой семьей. Когда послѣ первыхъ привѣтствій производитель работъ «съ душевнымъ прискорбіемъ» объявилъ хозяину дома о послѣдовавшемъ распоряженіи, тотъ подъ первымъ впечатлѣніемъ схватился за голову въ неописанномъ ужасѣ, а жена его, сидѣвшая «съ гостями», чуть не упала въ обморокъ и бросилась къ мужу на шею, какъ бы стараясь защитить его отъ невидимаго врага.

— Поль! да неужели ты поѣдешь?.. Вѣдь это безуміе!—воскликнула она отчаяннымъ голосомъ.

— Погоди, матушка, дай придти въ себя,—заговорилъ хозяинъ, прочитывая вновь бумагу.—Что это такое? Они уморить насъ хотятъ! Вѣдь я человѣкъ семейный, жена у меня, дѣти! Батюшки! голова кругомъ пошла! тутъ снѣгъ, тайга, я и лѣтомъ-то все собирался поѣхать въ вашу тайгу, да за множествомъ дѣлъ такъ и не собрался, переселенцы меня одолѣли!.. А тутъ вдругъ по снѣгу! Да я умру!.. И онъ забѣгалъ по комнатѣ, внѣ себя.

Черезъ минуту онъ остановился вдругъ съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

— Позвольте-съ, да вѣдь я отъ своего непосредственнаго начальства распоряженія не получалъ,—проговорилъ онъ, приходя все болѣе въ себя.

— Да вѣдь тутъ сказано «по соглашенію»,—замѣтилъ производитель работъ.

— Ничего не знаю-съ! Обратитесь къ другимъ членамъ комиссіи! Что они вамъ на это скажутъ? А я не поѣду ни за что въ такое время! Да если бы, упаси Боже, отъ губернатора завтра пришло такое распоря-

женіе, я бы послѣ-завтра подалъ въ отставку. Песъ съ ней и со службой, жизнь своя дороже! И онъ совсѣмъ просіялъ, найдя выходъ изъ этого затрудненія.

— Мое дѣло передать вамъ полученное мною распоряженіе, и я васъ всегда готовъ сопровождать, какъ указано,—съ ядовитой улыбкой сказалъ производитель,—а ужъ это ваше дѣло—поступить, какъ знаете.

— Смѣйтесь, смѣйтесь,—говорилъ хозяинъ, ходя по комнатѣ,—а тутъ дѣло не до смѣха. Какъ мы теперь въ комиссіи-то будемъ принимать участки? Да если бы даже возможно было мнѣ выѣхать... Не бойся, матушка, не поѣду,—замѣтилъ онъ женѣ, бросившей на него умоляющій взглядъ,—какъ ухитрились бы вы собрать всѣхъ членовъ комиссіи «одновременно», въ одинъ день, когда исправникъ живетъ въ уѣздномъ городѣ, податной инспекторъ тамъ же, а теперь въ разѣздѣ, переселенческій чиновникъ въ губернскомъ городѣ? Вы объ этомъ подумали? И онъ остановился передъ производителемъ съ вопрошающимъ видомъ.

— Конечно, знаю, что это невозможно; но я, какъ точный исполнитель всякихъ приказаній свыше, посылаю всѣмъ по бумагѣ, чтобы они, если желаютъ, съѣхались къ извѣстному сроку; а тамъ ихъ дѣло, а я къ ихъ услугамъ,—говорилъ производитель.

— Да вы-то можете! Да они-то не поѣдутъ, клянусь, чѣмъ угодно. Исправникъ при его тучности и на лошадь-то не влѣзетъ! И хозяинъ повеселѣлъ.

— Ну и замерзли же мы въ тайгѣ!—проговорилъ «лѣсной».

— Да вы-то какъ сюда попали? Вѣдь вы отъ насъ далеко?—спрашивалъ хозяинъ.

— Вотъ подите же! Я и самъ всю дорогу своего спутника спрашивалъ! И «лѣсной» развелъ руками.

— Чудеса! Но..... а когда же комиссія?—спрашивалъ хозяинъ.

— Я черезъ двѣ недѣли буду готовъ, и планы скоро поспѣютъ, а назначеніе срока зависитъ отъ председателя.

— Да пригоните, господа, къ двадцатому числу, чтобы заодно уже поѣхать въ городъ,—проговорилъ хозяинъ.

— Буду стараться, хотя это и не отъ меня зависитъ,—уклончиво сказалъ производитель.

— А теперъ, господа, въ виду благополучнаго разрѣшенія вопроса о поѣздкѣ въ тайгу, пойдете закупить съ дорожки! И хозяинъ съ любезной улыбкой повелъ замерзшихъ гостей въ столовую, чему они были несказанно рады, ибо нѣсколько сутокъ питались черными сухарями и чаемъ съ остатками мороженаго масла и изрѣдка попадавшей дичью.

— Здѣсь мы обсудимъ, какъ будемъ «принимать» участки, побывавъ мысленно въ тайгѣ,—говорилъ онъ, радушно угощая своихъ таежныхъ гостей.

Результатъ всего этого былъ вотъ какой. Председателемъ, иначе говоря, «завѣдывающимъ» комиссія по утвержденію новыхъ переселенческихъ участковъ была назначена въ декабрѣ, а такъ какъ въ данномъ уѣздѣ работали по смежности два производителя работъ, то, чтобы не ѣздить два раза въ одинъ и тотъ же городъ и чтобы, во-первыхъ, не тратиться на разѣзды понапрасну, а во-вторыхъ, не беспокоить двукратнымъ созываніемъ членовъ, обѣ комиссіи по двумъ таежнымъ районамъ были назначены на одинъ день.

Комиссіи прошли бурно. Спорили и кричали о томъ, что «наше» и «ваше» до обалдѣнія, до хрипа, и производители, и «лѣсные». Председатель былъ какъ на горячихъ угольяхъ. Ему приходилось прибѣгать къ

«рѣчамъ», которыя слушались, а потомъ, къ ночи, члены стали уже перебивать «рѣчи» и кричать между собою. Крестьянскій начальникъ отстаивалъ только займщиковъ, которыхъ рѣшено было вымежевать изъ участковъ согласно ихъ заявленіямъ, хотя они и сами не знали хорошо своихъ желаній, прося и такъ, и сякъ. До остальныхъ земель, которыя не соприкасались съ мѣстнымъ населеніемъ, ему мало было дѣла, ибо онъ ихъ еще не видалъ. Исправникъ все время молчалъ и только изрѣдка со взходомъ спрашивалъ: «а позвольте спросить, сколько верстъ вотъ этотъ участокъ будетъ отъ крайняго селенія по волости?»

Когда ему отвѣчали, что верстъ полтора или сто, онъ въ ужасѣ поднималъ глаза къ потолку, ища, какъ видно, защиты у Всевышняго. «А позвольте спросить, дороги къ нимъ проведены?» — робко спрашивалъ онъ. Ему отвѣчалъ производитель, что для верховой ѣзды первоначальная дорога прорублена, а для окончательнаго проведенія ея нужно испросить нѣсколько тысячъ. Исправникъ (за него былъ помощникъ) приходилъ въ крайнее недоумѣніе и скорбно вздыхалъ.

Податной инспекторъ все ерзалъ на стулѣ и волновался. «Какъ же я поѣду по этимъ займамъ подати собирать, и какими плательщиками они будутъ числиться?» — спрашивалъ онъ.

Въ общемъ участки были утверждены съ незначительными поправками на планахъ. Спорные же пункты о томъ, что «наше» и что «ваше», были переданы въ дальнѣйшія инстанціи съ особыми мнѣніями заинтересованныхъ сторонъ, колонизаторской и лѣсной, занесенными въ протоколъ.

Итакъ, послѣдній актъ, санкціонирующій колонизацію этой тайги, совершился *de jure* и спустя мѣсяць вошелъ въ законную силу. Пожалуйте, переселенцы,

и поселяйтесь. Много ли ихъ поселится,—это дѣло будущаго. Что поселятся они на нѣкоторыхъ участкахъ, гдѣ имѣются заимки и распаханная готовая мѣста, это не подлежитъ сомнѣнію; а на остальныхъ, «трудныхъ»,—ужъ это дѣло Божье...

Но не является ли комиссія, при разсмотрѣніи участковъ лишь по планамъ, въ лицѣ большинства своихъ представителей, за исключеніемъ «дѣйствующихъ» производителей и лѣсныхъ чиновъ,—одною формальностью и комедіей? Напрашивается сильное подозрѣніе!... И эта формалистика не имѣла бы особаго значенія, еслибы не касалась живыхъ людей, которые потомъ поселятся на этихъ «образованныхъ» участкахъ и будутъ считаться нутромъ своимъ со всеми благопріятными и неблагопріятными условіями природы мѣстности, о которой упоминается въ «описаніяхъ» участковъ при докладѣ комиссіи. Какъ бы ни было живописно это описаніе, но разъ оно не основано на неопровержимыхъ научныхъ данныхъ и не подкрѣплено личнымъ осмотромъ, оно есть «вѣра безъ дѣлъ». Оно будетъ безжизненно и неубѣдительно для лицъ, облеченныхъ властью «утверждать и скрѣплять». Пусть не обидятся на меня гг. члены временныхъ комиссій, которыхъ я ни мало не виню, ибо они ставятся въ такое положеніе, нерѣдко безсознательно, силою вещей,—но они, я увѣренъ, факта этого отрицать не будутъ. Меня спросятъ: «чего вы хотите, безпокойный человѣкъ? Какой гарантіи для образованія и пріема участковъ?» Какой гарантіи? Самой незыблемой и прочной. Какая же это такая, по вашему? На этотъ вопросъ я отвѣчу тоже вопросомъ. Вы читали въ газетахъ о полярной экспедиціи норвежскаго капитана Свердрупа? Какъ этотъ преданный дѣлу человѣкъ собиралъ людей и готовился къ отважнѣйшему и рискованному путешествію? И кого

же онъ съ собою бралъ? не людей съ вѣтра и «съ чистой душой», а людей науки, людей знанія. Въ экспедиціи этой приняли участіе ботаники, зоологи, метеорологи и всѣ молодыя научныя силы, испытанныя въ «бояхъ съ природой». Чѣмъ тайга хуже сѣвернаго полюса? Развѣ въ ней нѣтъ своихъ опасностей, затрудненій и массы вопросовъ? Развѣ ее не надо изучать и съ агрономической, и съ ботанической, и съ почвенной, и метеорологической, и даже зоологической стороны, чтобы навѣрняка говорить, что вотъ тутъ-то можно поселить, а тутъ нельзя?!

Конечно, всего проще пустить народъ для «вольнаго поселенія», селитесь-де, мужички, гдѣ хотите, сами увидите!.. Но мы уже видѣли, что вышло изъ этой идиллически-милой простоты и какая участь постигла «вольную колонизацію».

Опять скажутъ мнѣ на это: «Гдѣ же мы такихъ ученыхъ людей найдемъ? Откуда добудемъ средства?».

На великое и хорошее дѣло всегда какія угодно средства найдутся. Отчего же норвежцы находятъ средства для осуществленія сравнительно безумной идеи—изслѣдовать сѣверный полюсъ и его окраины? Неужели мы бѣднѣе ихъ и неужели въ Россіи не найдутся средства для такого конкретнаго дѣла по сравненію съ сѣвернымъ полюсомъ, какимъ является изслѣдованіе тайги,—настоящее изслѣдованіе, а не блужданіе по ней? Вѣдь земли мы готовимъ для живыхъ людей, а не для бѣлыхъ медвѣдей, какъ норвежцы. А посмотрите, какъ обставляются экспедиціи въ «невѣдомыя страны» западными народами, нѣмцами, французами, не говоря уже объ англичанахъ! Какъ у нихъ все предусмотрѣно и каждая деталь экспедиціи обдуманна!

Итакъ, въ возможность найти средства для такого святого дѣла, въ которомъ замѣшаны милліоны буду-

щаго населенія, и для такой богатой земледѣльческой страны, какъ Россія, — грѣшно не вѣрить. Что касается до второго аргумента, — отсутствія людей, — это тоже несостоятельно. Дайте средства, и сейчасъ же люди необходимые для этого найдутся. Неужели нѣтъ у насъ молодыхъ специалистовъ? И разъ будетъ обставлено дѣло жизненно, обдуманно, каждая мелочь будетъ предусмотрѣна на основаніи прошлаго опыта, котораго хоть отбавляй, — тогда всякій молодой специалистъ, даже готовящій себя для научной карьеры, не говоря уже о практикахъ, примкнетъ къ такой экспедиціи, къ такому дѣлу, требующему большой энергіи и разнообразныхъ знаній. Всякій молодой и энергичный специалистъ той или другой отрасли естествознанія найдетъ въ этой мало извѣданной тайгѣ богатѣйшій матеріалъ для научныхъ и практическихъ наблюденій помимо той колонизаціонной цѣли, которую онъ прежде всего долженъ имѣть въ виду. Я твердо увѣренъ, что такіе люди въ избыткѣ найдутся, разъ дѣло будетъ обставлено строго жизненно и научно.

Переселенцы — тѣ же дѣти при столкновеніи съ неизвѣданной и дикой природой тайги. И чтобы пускать этихъ дѣтей, съ бородами, въ тулупахъ и армякахъ, «на новыя мѣста» въ почти дѣвственный лѣсъ, гдѣ нѣтъ по сосѣдству ни опытныхъ станцій, ни пробныхъ посѣвовъ, ни культурныхъ опытовъ, надо указать имъ послѣ детальнаго изученія, съ помощью современныхъ пособій земледѣльческой науки, какія мѣста въ лѣсу будутъ пригодны для ихъ жизни, а какія нѣтъ. И только тогда можно быть увереннымъ, что эти «дѣти природы» въ этомъ лѣсу не погибнуть и не заблудятся или же не убѣгутъ изъ него со страхомъ, заповѣдавъ и внукамъ своимъ не заглядывать

въ него и строить тамъ себѣ новыхъ жилищъ для новой просторной и обеспеченной жизни, какой они не находятъ уже въ «утѣсненныхъ» російскихъ губерніяхъ.

VII.

Колонизація степей Сибири.

Въ 1893 году начаты были работы по образованію переселенческихъ участковъ въ предѣлахъ стоверстной полосы Сибирской желѣзной дороги. Въ районъ этой полосы вошли степныя пространства Акмолинской области, а также южные уѣзды Тобольской губерніи. До тайги было далеко, а потому всѣ работы касались преимущественно степей, и такъ какъ участки должны были отводиться изъ лишнихъ земель, каковыя будутъ признаны за удовлетвореніемъ старожиловъ, то первымъ колонизаторамъ пришлось много имѣть дѣла съ мѣстнымъ населеніемъ, въ составъ котораго въ Акмолинской области входили киргизы, а въ Тобольской губерніи сибирскіе крестьяне-старожилы. Эта первая колонизація по «временнымъ правиламъ» уже отошла теперь въ область воспоминаній, но она такъ характерна по своимъ приѣмамъ, что будетъ довольно поучительно вспомнить о всѣхъ перипетіяхъ, происходившихъ на первыхъ порахъ заселенія великаго Сибирскаго пути. Теперь уже все это измѣнилось и расширилось въ смыслѣ рамокъ 100 верстной полосы. Многое и теперь повторяется по отношенію къ тайгѣ, но по отношенію къ степямъ приняты уже довольно энергичныя мѣры, которыхъ коснусь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Для насъ новичковъ 1893-й годъ былъ зарею колони-

заціи. Это было время «золотыхъ надеждъ, мечтаній и упованій». Составъ будущихъ «колонизаторовъ» Сибири комплектовался изъ зеленой молодежи съ дипломами, чающей новаго дѣла и новыхъ ощущеній. Главнымъ стимуломъ, конечно, были — «штатное мѣсто», интересъ новизны положенія и въ видѣ миража улыбающаяся карьера, раздуваемая досужими языками болѣе расчетливыхъ и себѣ на умѣ сослуживцевъ, оставшихся въ Питерѣ и не промѣнявшихъ своей синицы на журавля въ небѣ...

Вмѣстѣ съ прочими удалцами я попалъ случайно въ эту «золотую гвардію» производителей работъ, вновь испеченныхъ. «Золотой гвардіей» называли департаментскіе чиновники толпу молодыхъ производителей работъ, вновь испеченныхъ и облекшихся въ шитые мундиры седьмого и шестого классовъ. Говорю толпа, потому что сразу потребовалось ихъ много, и они представляли изъ себя довольно таки сплоченную корпорацию, которая, конечно, расползлась по всѣмъ швамъ при выѣздѣ изъ Петербурга... Веселое было тогда время. Возились съ мундирами, которые заказаны были у одного портного, перепутавшаго на грѣхъ шитье двухъ вѣдствъ и нашившаго на наши обшлага и воротники, не принадлежащія вѣдомству цѣпи. Но эти «цѣпи» сверкали золотомъ и мы, упоенные «сіяніемъ», преспокойно въ нихъ разгуливали, не обращая вниманія на эту мелочь и на смущеніе портного, узнавшаго свою ошибку. Тогда мы были молоды и, кажется, не такія бы еще цѣпи на себя наложили... Ходили мы въ этихъ золотыхъ цѣпяхъ получать «прогоны и подъемныя» изъ разныхъ параграфовъ много и долго. И въ головѣ сидѣли главное «эти» параграфы и проистекающая изъ нихъ благостыня. О нашихъ же задачахъ мы «младшіе» мало думали и вся система колонизаціи и наши

будущія обязанности представлялись намъ въ какомъ-то туманѣ. Намъ говорили: «вы будете руководить межевыми чинами и держите ухо востро, ибо это народъ перетертый». Но какъ руководить? Что дѣлать, это было неизвѣстно, даже «старшіе будущіе завѣдующіе» какъ-то путались въ объясненіяхъ о своихъ роляхъ, не смотря на то, что они уже были напичканы разными словесными указаніями, оффиціальными же были тогда одни «временныя правила», а дальнѣйшія мѣропріятія были выработаны потомъ, при столкновеніи съ натурою и послѣ всеисправляющаго опыта. Мнѣ лично, назначенному «въ степь», рисовались картины предстоящей дѣятельности въ довольно фантастическомъ свѣтѣ. Мнѣ казалось, что я, производитель работъ, буду «возлежать» на высокомъ песчанномъ холмѣ среди безграничной степи, а вокругъ этого холма, у подножія его будутъ ходить съ цѣпями землемѣры или топографы, какъ они «по новому» назывались. Я только недоумѣвалъ, что я буду имъ показывать, и въ чемъ будетъ выражаться мое руководство. Когда я обращался въ департаментъ за разспросами, мнѣ отвѣчали: «На мѣстѣ есть завѣдующій, къ нему поѣзжайте, его во всемъ слушайте, онъ вамъ все укажетъ». И я, поблуждавши по Питеру и изрядно поистрепавши на разныхъ «обѣдахъ», сибирскихъ и не сибирскихъ, свои прогоны и подъемныя, наконецъ, прибылъ къ этому самому завѣдующему, который, казалось, долженъ былъ все знать, все вѣдать и хранить всѣ тайны колонизаціи.

Разговоръ съ нимъ у насъ былъ короткій на мѣстѣ, онъ всѣ рѣчи свои облакалъ въ таинственную форму по простой причинѣ, что, какъ оказалось, потомъ самъ мало зналъ, какъ и что дѣлать, и хлопоталъ главное о томъ, чтобы всѣ §§ были правильно использованы.

— Поѣзжайте въ степь, тамъ въ вашей партіи

имѣется «опытный» старшій топографъ, который вамъ все подробно расскажетъ. Вы опоздали, а безъ васъ ваша партія уже выѣхала на мѣсто работъ и снабжена инструкціями. А вотъ пока бумажка вамъ.

Сталь читать я эту «бумажку» завѣдующаго и ничего не понимаю. Въ этой бумагѣ говорится о съемкѣ по ауламъ, о съемкѣ въ масштабѣ одной версты въ дюймѣ, о сплошной съемкѣ. А я-то что же буду дѣлать? Я естественникъ, какъ я буду «руководить этой съемкой», когда я и мензулы-то не видалъ въ глаза и со мной, кромѣ «временныхъ правилъ», никакихъ колонизаціонныхъ пособій нѣтъ? Поѣхалъ я въ Петропавловскъ, въ ближній городъ «района моихъ работъ». Встрѣчаю я тамъ бойкаго помощника производителя работъ, «изъ нѣмцевъ», мѣтившаго въ производителю и не получившаго сразу это назначеніе въ виду того, что онъ кончилъ «среднее образованіе».

— Скажите, Карлъ Карловичъ, начали вы работать?

— О! давно,—отвѣчаетъ мнѣ важно нѣмецъ.

— И какъ вы ведете съемку?

— Я веду ее по пунктамъ...

— По какимъ это пунктамъ?

— А вотъ поѣдьте со мной, я вамъ покажу, вы вѣдь еще незнакомы съ «нашими» работами,—сказалъ онъ авторитетно, желая показать мнѣ, «новичку», свою опытность, и облекая ее опять таки въ таинственную форму, заимствованную у «завѣдующаго».

Поѣхали. На пути къ району «моихъ работъ» какъ разъ мнѣ пришлось проѣзжать черезъ его участокъ, которымъ онъ руководилъ самостоятельно, замѣняя производителя работъ. Ъдемъ по степи на тройкѣ съ колокольчикомъ.

— Ну гдѣ же эти пункты?—спрашиваю я.

— А вотъ видите мечеть?—показываетъ онъ.

— Вижу.

Бдемъ далѣе.

— Видите это киргизское кладбище?

— Вижу.

— Вотъ это и есть пункты, вокругъ которыхъ идетъ наша съемка, они служатъ основаніемъ ея, а потомъ мы ихъ будемъ увязывать, главное, чтобы было больше пунктовъ, пунктовъ, проговорилъ онъ съ чисто нѣмецкой важностью.

— Ну, а эта куча по дорогѣ не можетъ служить пунктомъ?—спросилъ я не безъ лукавства.

Онъ обидѣлся и даже насупился. Приѣхали въ его юрту. Для каждаго «чина» тогда полагалась юрта и для «полковниковъ», какъ называли киргизы производителей работъ, были поставлены лучшіе юрты съ коврами и пр.

— Меня ждуть бии,—важно сказалъ онъ, указывая на толпу киргизовъ, гогочущую на своемъ языкѣ около «джурты полковника».

— Это что за бии?—спрашиваю я.

— Это народные судьи и выборные,—отвѣтилъ онъ, принимая начальственный тонъ, при входѣ въ юрту.

Онъ помѣстился на складномъ стулѣ, поставленномъ на дорогомъ коврѣ, подозвалъ переводчика, и «допустилъ» къ себѣ биевъ. Господи, думаю, да вѣдь это шехерезада! Бии въ ноги «полковнику», заболтали по своему. Оказалось, что они просили сохранить свои земли для зимнихъ и лѣтнихъ пастбищъ. «Тюра» (чиновникъ), какъ они его съ благоговѣніемъ звали, отвѣтилъ имъ черезъ переводчика, что онъ «все для нихъ сдѣлаетъ возможное на основаніи данныхъ ему свыше полномочій» и отпустилъ ихъ «съ миромъ», при чемъ они, какъ древніе послы, пятились къ вы-

ходу предъ лицомъ «тюры» съ низкими почти земными поклонами.

— Что же вы съ ихъ землями сдѣлаете?—спросилъ я нѣмца послѣ ухода «делегатовъ».

— А отрѣжу ихъ подъ участки,—беззаботно заявилъ онъ.

— Да вѣдь они раззорятся?

— А песь съ ними, пора же ихъ давно выгнать отсюда и предоставить ихъ земли осѣдлому населенію, а то эти глупыя образины всю степь заняли,—говорилъ онъ авторитетно.

— Новѣдь это будетъ уничтоженіемъ кочевого народа?

— Объ этомъ въ правилахъ ничего не говорится, а нужны участки.

Я задумался, перебиралъ всѣ пункты правилъ, о киргизахъ и ихъ хозяйствѣ ничего тамъ не нашелъ... Господи, что я буду дѣлать, что я буду дѣлать? пронеслось въ моей головѣ. Затѣмъ начался приѣмъ «топографовъ». Молодой «помощникъ» съ покровительственнымъ видомъ разсматривалъ планы, развернутые предъ его лицомъ пожилымъ топографомъ. Комично было видѣть этого незнакомаго съ техникой дѣла «коллежскаго регистратора», который съ видомъ «чуть чуть не императора» ревизовалъ планы престарѣлаго и многосемейнаго техника.

— Гдѣ же у васъ пункты на планѣ?—строго спрашивалъ молодой «руководитель».

— Да тутъ и пунктовъ-то нѣтъ, Карлъ Карловичъ, отвѣчаетъ приниженнымъ тономъ топографъ.

— Какъ нѣтъ? А мечети?

— Да при масштабѣ въ одну версту, мечети можно показать менѣе булавочной головки, въ лупу придется разсматривать,—доказывалъ тотъ,—а у меня, какъ на грѣхъ—кромѣ фавозныхъ кучъ, въ аулѣ ничего нѣтъ.

— А кладбище есть?

— Вот то-то что и кладбище ихъ скоро не разыщешь, Карлъ Карлычъ.

— Надо искать, надо стараться—и коллежскій регистраторъ началъ «кипятиться» и готовъ уже былъ перейти «на головомоіку».

— Да вѣдь и кладбища въ такомъ масштабѣ будутъ незамѣтны.

— Отмѣчайте ихъ особыми знаками,—строго приказалъ онъ.

— Слушаюсь, — покорно, понутивъ голову, проговорилъ старецъ.—Болѣе ничего-съ?

— Ничего-съ.

— До свиданья.

Приемъ кончился.

— Ужасный, знаете, народъ эти топографы,—проговорилъ нѣмецъ, имъ говоришь одно, а они все свое и свое, упорные какіе, ужасъ! И пьяницы есть между ними жестокіе, я ихъ подтягиваю, совѣтую и вамъ тоже со своими не церемониться...

Переночевавъ въ юртѣ «молодого полковника», я утромъ уѣхалъ въ «свой районъ», встрѣтившись съ нимъ потомъ лишь въ канцеляріи «временной партіи». Кстати сказать, тамъ у него былъ совсѣмъ другой тонъ. Былъ онъ тише воды, ниже травы и, въ качествѣ «помощника», бѣгалъ по первому звонку «завѣдующаго» въ его кабинетъ, въ которомъ тотъ запирался для своихъ глубокомысленныхъ занятій... Приѣхалъ я къ «своимъ» топографамъ и въ свою юрту. Тамъ меня какъ будто ждали и какъ будто не ждали. Мой старшій топографъ нѣсколько иронически отнесся ко мнѣ, когда я пожелалъ «заглянуть въ его планы». Да и я какъ-то конфузился. Что я увижу въ этихъ наброскахъ, что мнѣ ему указывать? Какъ

видно, онъ «валялъ» съемку во всю со своими помощниками. Я было заикнулся о «пунктахъ», онъ весело расхохотался.

— Да это вы отъ нѣмца слышали? Такъ онъ еще младенецъ и ничего не смыслить, молокососъ еще, ему бы надо много поучиться, прежде чѣмъ начальство изъ себя изображать... мы вѣдь ужъ старые служаки, и учить насъ нечему,—проговорилъ онъ, пристально смотря на меня.

«И я», думаю, «недалеко ушелъ въ его глазахъ отъ «молокососа», хотя и университетъ кончилъ!»

«Господи, что я буду съ ними дѣлать?» говорилъ я себѣ и осторожно закинулъ удочку о неясности обязанностей производителей работъ.

— Да что же? вамъ будетъ хорошо здѣсь... поправитесь въ степи, въ Питерѣ похудѣли, а тутъ воздухъ свѣжій, кумысъ, баранина, ваше дѣло хорошее, мы вамъ все сдѣлаемъ,—говорилъ онъ въ оптимистическомъ тонѣ.

— Что жъ,—думалъ я, придется, дѣйствительно, кумысъ пить, да баранину ѣсть, и это будетъ лучшее, чѣмъ вмѣшиваться въ эту таинственную одноверстную съемку, въ которой самъ чортъ ногу сломить, я имъ мѣшать буду только...

И начали мои топографы снимать степь «во всю», получались у нихъ сотни тысячъ десятинокъ сплошной съемки, при чемъ аулы, конечно, не увязывались и границы ихъ расходились иногда верстъ на двѣнадцать. Получалось что-то ни съ чѣмъ несообразное и удивительное.

Мой старшій топографъ, наконецъ, спохватился, видя въ техническомъ отношеніи полную ерунду и началъ снимать, разбивъ всю степную «дачу» по планшетамъ, чтобы можно было хоть что-нибудь свести. А

по сосѣдству съ моими снимали по ауламъ! Произошло то, что послѣ, когда стали сводить всю съемку, у всѣхъ производителей получились дыры и пустыя пространства, которыя нечѣмъ было пополнить, тѣмъ не менѣе, въ моемъ районѣ оказалось съемки полмилліона десятинъ! Я «ѣздилъ по топографамъ», кушалъ баранину и пилъ кумысъ, заглядывая иногда и въ статистику киргизовъ, но тутъ выходили курьезы въ родѣ слѣдующаго.

Ѣду въ одинъ аулъ «переписать» населеніе къ такому-то озеру. Пріѣзжаю, фюить... Аула нѣтъ! Гдѣ аулъ? Говорятъ, перекочевалъ вчера. Куда? Не знаютъ. Вотъ тебѣ и «повѣрка населенія», вотъ тебѣ и статистика! Меня все-таки грызло сознание, что скоро придется «нарѣзать» участки. Но какъ ихъ рѣзать, включать ли зимовки или нѣтъ? Какія земли признать необходимыми для киргизъ или вовсе не принимать во вниманіе ихъ интересовъ и, что называется, плюнуть на нихъ? По этому поводу не было никакихъ указаний, а завѣдующій молчалъ, можно сказать, убійственно. Да и почта, къ довершенію всего, ходила отъ меня и ко мнѣ, что называется, «по солнцу». Нанять былъ почтаремъ старый киргизъ Сарсымбай. Когда-то еще онъ доѣдетъ до станицы казацкой, гдѣ была ближайшая почтовая станція, на своей единственной кобылѣ, и когда-то этотъ пакетъ попадетъ въ городъ, и получалась почта иногда черезъ мѣсяць изъ Омска, а то черезъ три недѣли. Въ такихъ «работахъ» прошло лѣто и подошла глубокая осень. Наконецъ, пріѣхалъ «самъ» завѣдующій, когда уже работы кончались. Полетѣли мы съ нимъ «по топографамъ», распушилъ онъ ихъ въ дребезги, нѣкоторые планы забраковалъ, а дѣло нисколько не яснѣе стало.

Я къ нему насчетъ киргизовъ, нормы ихъ надѣ-

ловъ и прочаго такого, что меня волновало насчетъ участковъ.

— Зачѣмъ вамъ норму? это вопросъ будущаго,— отвѣчалъ онъ,—въ натурѣ нынче не успѣемъ отграничить участки, дай Богъ со съемкой справиться, подгоните ближе участки къ казацкимъ владѣніямъ по горькой линіи ¹⁾, говорилъ завѣдующій...

— Да вѣдь тамъ, Фарафонтъ Иванычъ, зимовки киргизовъ,—замѣчалъ я.

— Ну что жъ, что зимовки, можемъ ихъ вымежевать, а то и убрать они ихъ могутъ.

— Но вѣдь къ нимъ идутъ дороги отъ лѣтнихъ пастбищъ, а если эти земли попадутъ въ участки, то киргизы не будутъ въ состояніи со своихъ зимовокъ прогнать скотъ, мы имъ преградимъ дороги,—говорилъ я.

— Ну, увидимъ тамъ, въ комиссіи, главное заставьте этихъ архаровцевъ (топографовъ), чтобы они закончили всѣ вычисленія на мѣстѣ и отнюдь не пускайте ихъ въ городъ, а то ихъ тамъ не соберешь, когда они распьянствуются,—говорилъ строго завѣдующій.

«Архаровцевъ» своихъ, не смотря на ихъ вопли, я продержалъ въ степи до самаго снѣгу и въ ближайшей станицѣ они у меня кончали «вычисленія полмилліона десятинъ». Между тѣмъ вдругъ получаю извѣстіе отъ завѣдующаго, что, въ виду скорого назначенія временной комиссіи по утвержденію участковъ согласно «временнымъ правиламъ», я долженъ извѣстить, сколько я запроектировалъ участковъ въ сво-

¹⁾ «Горькой линіей» называется въ Западной Сибири полоса земли, лежащая между Омскомъ и Челябинскомъ, среди которой встрѣчаются горько-соленныя озера.

емъ районѣ. А у меня еще ни одного участка ни въ натурѣ, ни на планѣ нѣтъ. Что дѣлать? Взяли мы со старшимъ топографомъ карандашъ и линейку и давай «проектировать» участки на полуотдѣланныхъ чертежахъ. На основаніи «словесныхъ указаній» завѣдующаго, всю полосу, ближайшую къ казакскимъ владѣніямъ, мы «исчертили» подъ участки. Получилось ихъ у насъ что-то много, около 20-ти участковъ по 5 тысячъ десятинъ каждый. Въ нихъ, конечно, попали зимовки и дороги, и кладбища, и всякая киргизская всячина. Съ этимъ «добромъ» поѣхали въ Петропавловскъ, гдѣ должна была состояться первая коммиссія по утвержденію проектированныхъ участковъ для переселенцевъ. Завѣдующій у насъ все передѣлалъ. Изъ двадцати сдѣлалъ всего семь, такъ что получились участки тысячъ по 15 и болѣе десятинъ! Начали мои топографы ползать на полу въ квартирѣ завѣдующаго по своимъ «планамъ» и вычислять наскоро площади этихъ грандіозныхъ участковъ. Наконецъ, кое-какъ вычислили. Настрочили коротенькій докладъ въ коммиссію: душъ столько-то переселенческихъ, десятинъ столько-то, вода есть (а какая неизвестно), покосы хоть отбавляй, лѣсу (колокъ степныхъ) столько-то, удобной и неудобной земли столько-то. О киргизахъ глухая фраза: «за вычетомъ необходимыхъ для мѣстнаго населенія земель». Зимовки нѣкоторыя попались—не бѣда. Наступила коммиссія. Уѣздный начальникъ былъ добродушный человекъ, но все-таки морщился, хотя съ киргизами былъ жестокъ, и они его, какъ огня, боялись, а ему до нихъ было мало дѣла. Кое-что вырѣзали по части зимовокъ, кое-что измѣнили, а участки все-таки утвердили.

Завѣдующій на радостяхъ махнулъ телеграмму въ департаментъ, что столько-то участковъ «образовано»,

душъ и десятинь столько-то и съемки полмилліона. Тамъ такъ и ахнули. Что было при отдѣлкѣ этихъ плановъ въ одноверстномъ масштабѣ, я уже говорилъ. Но въ результатѣ, конечно, кончилось все почти скандаломъ. Послѣ, участки «наши» и другихъ производителей чуть ли не два года передѣлывали, при чемъ получилось распоряженіе, чтобы впредь не удивлять міръ злодѣйствомъ въ видѣ участковъ въ 15 тысячъ десятинь, а дѣлать не болѣе 4,000—5,000 десятинь, и многія другія мѣропріятія, которыя послѣдовали изъ горькаго опыта. Не даромъ по «горькой» линіи они отводились!

Киргизы завыли, какъ волки, загнанные въ засаду, и посыпались жалобы, которыя услышаны были, гдѣ слѣдуетъ, и въ настоящее время, конечно, уже и слѣда нѣтъ тѣхъ пріемовъ, о которыхъ я повѣствую, не преувеличивъ ни на іоту. Въ настоящее время уже существуетъ особая экспедиція для изслѣдованія статистическихъ данныхъ по выработкѣ нормъ киргизскаго землепользованія, и дѣйствія производителей работъ и межевыхъ подчиняются и согласуются съ вырабатываемыми ею данными. Многое улучшилось и совершенно измѣнилось. Но и при настоящей правильной и улучшенной постановкѣ дѣла колонизаціи степныхъ областей существуютъ еще нѣкоторыя «пункты», по поводу которыхъ можно еще многое сказать за и противъ, и которые наводятъ на нѣкоторыя размышленія.

VIII.

Еще изъ области прошлаго.

Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ о болѣе современной постановкѣ дѣла изслѣдованія степныхъ областей, я опять углублюсь въ область прошлаго, во времена «зари» колонизаціи вдоль линіи Сибирской желѣзной дороги и потолкую о способахъ, примѣнявшихся при образованіи участковъ около селеній старожиловъ. Здѣсь была нѣсколько иная картина, болѣе утѣшительная. Здѣсь имѣлись планы прежней съемки и нѣкоторые изъ нихъ были весьма недурные, нѣкоторые же нуждались въ провѣркѣ. Они заключали въ себѣ ситуацію земель, находящихся въ пользованіи старожиловъ и сосѣднихъ съ ними излишнихъ земель, иначе говоря, на этихъ планахъ имѣлись нанесенными и окрашенными контуры пахоты, «степи», покосовъ, лѣса, болотъ, солонцовъ и пр. Главное дѣло было въ томъ, чтобы войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ населеніемъ, какія земли необходимы для крестьянъ для будущаго земельного обезпеченія и какія признать можно «излишними», иначе говоря, нужно было предвосхитить будущее поземельное устройство старожиловъ для колонизаціонныхъ цѣлей пришлого населенія.

По настоящему, конечно, слѣдовало бы сначала устроить вполнѣ старожиловъ, а потомъ уже излишнія земли, которыя останутся отъ этого устройства, обратить въ участки. Но поземельное устройство, съ которымъ связывалось разрѣшеніе всевозможныхъ земельныхъ споровъ и вопросовъ, задержалось силою вещей, и на сцену выступило съ гнетущей потребностью переселенческое дѣло. Еще старый сравнительно

съ 1885 года) западно-сибирскій отрядъ велъ это не (вполнѣ санкціонированное надѣленіе крестьянъ—старожилонъ землями наряду съ образованіемъ переселенческихъ участковъ. И этотъ принципъ до извѣстной степени поддерживался и вновь образованными съ 1893 года переселенческими партіями съ тою только разницею, что границы, намѣчаемыхъ надѣловъ, не обмежевывались, а по сосѣдству отрѣзались переселенческіе участки, и границы послѣднихъ иногда становились естественными межами будущихъ крестьянскихъ надѣловъ. При соглашеніи съ крестьянами являлась руководствомъ 15-ти десятинная норма надѣла, и съ этой нормой было не мало хлопотъ. Крестьяне-сибиряки, привыкшіе къ полному простору степей и лѣсовъ, и слышать не хотѣли сначала объ этихъ 15-ти десятинахъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, если войти въ ихъ положеніе, они были правы по своему. Нѣкоторые изъ нихъ владѣли по 40, по 60-ти и болѣе десятинъ, «сколько силы беретъ», распространяли свои запашки и сѣнокосы въ ширь и даль и даже старались, какъ можно далѣе раскидать свою пахоту, для чего строили всевозможныя пахотныя избушки и заимки, и вдругъ говорятъ имъ: «врите, голубчики, время настало другое, сибирская земля понадобилась, подвигайтесь ближе къ вашимъ деревнямъ и довольствуйтесь 15-ю десятинами на наличную душу».

— А наши заимки какже, вѣдь цѣлые дома мы построили!

— А сносить можете или продавать ихъ новоселамъ, — отвѣчали имъ первые культуртрегеры.

И дѣйствительно, ранѣе съ заимками не церемонились, тѣмъ болѣе, что про нѣкоторыя изъ нихъ ходила дурная слава, что онѣ были пристанищемъ разныхъ мошенниковъ, конокрадовъ и другого «ходового» си-

бирскаго люда. И потому колонизаторы не стѣснялись, объявивъ войну заимщикамъ, которые забыли не хуже киргизъ, теряющихъ свои зимовки. Наступило «избіеніе» заимщиковъ... и до чего бы это дошло неизвѣстно, сколько бы хозяйствъ разорено было руками разгулявшихся колонизаторовъ, одинъ Богъ вѣдаетъ, если бы не положило конецъ этому повальному разоренію зажиточныхъ сибиряковъ (положившихъ начало хоть какому нибудь хозяйству среди общей сибирской безхозяйственности) строгое распоряженіе министерства земледѣлія, возстановившее угнетенныя и угнетаемыя права заимщиковъ на свои трудовыя постройки и разработанныя многолѣтними трудами земельныя угодья. А на первыхъ порахъ «соглашенія» съ крестьянами-сторожилами приходилось постоянно имѣть дѣло съ заимочнымъ вопросомъ. Да если бы и не было даже этихъ заимокъ, то какъ сибиряку съ его указанными агрикультурными привычками умѣститься на этихъ 15-ти десятинахъ? И всякій разъ, когда вызывались «старики» для разговоровъ съ производителемъ работъ, котораго они называли «старшимъ планщикомъ», поднимался невообразимый шумъ и гамъ. «Старики» чесали затылки, тыкали закорузлыми пальцами въ развернутые и разложенные «планты» на полу земской квартиры, стараясь вникнуть въ эти непонятные для нихъ узоры синихъ, желтыхъ, зеленыхъ и сѣрыхъ рисунковъ, изображающихъ ихъ насиженные дѣдовскія земли.

— Прирѣжь, ваше благородіе, — молили они, дѣваться тутъ намъ некуда!.. что мы будемъ дѣлать, какъ со всѣхъ сторонъ насъ прижмутъ новоселы?

— Да вѣдь мы вамъ оставляемъ болѣе 15-ти десятинъ на душу, вонъ еще сколько, — показывалъ имъ производитель, убѣждая ихъ цифрами остающихся земель.

— Земля землѣ—рознь,— говорили они,— ты намъ дай хоть поменьше земли да получше, а куда намъ солонцы да болота...

— Да вѣдь та земля, которую вы просите, далеко отъ вашего селенія...

— Вѣдь, вашеблагородь... ее дѣды пахали, тутъ сколько потовъ положено было, а нако ты теперь, эта чугушка пройдетъ, и вся земля росейскимъ достанется, вѣдь мы тоже государевы жители, говорили они.

И кляли же тогда они эту чугушку. Когда же употреблялись угрозы и окончательные доводы, что «больше дать нельзя», «старики» долго межъ собой кричали во дворѣ и скрѣпя сердце подписывали «акты» соглашенія, приговаривая: «вѣрно уходить намъ пришло время, гибель будетъ намъ на этой землѣ!»

Ири этомъ и производителямъ, подписывавшимъ «акты», было какъ-то неловко, какъ будто совершалась какая-то обида, и межевые отрѣзали хорошія земли подъ участки, тоже какъ бы конфузясь.

И у всѣхъ рождался въ душѣ вопросъ: «а что если мы и въ самомъ дѣлѣ обездоливаемъ? А когда сибиряки расплодятся и населеніе увеличится, куда они дѣваются, если только не подойдетъ культура къ нимъ на помощь съ интенсивными сѣвооборотами и прочими благами?» И эта мысль томила и повсюду томить, гдѣ еще происходятъ отрѣзки «излишнихъ земель» отъ сторожиловъ, за исключеніемъ тайги конечно, принадлежащей одному Богу да охотникамъ-промышленникамъ.

Послѣ совершеннаго «соглашенія» проектировались участки, и, къ сожалѣнію, большею частію по планамъ, благо они давали готовую ситуацію земель. Легкое дѣло было тогда производителю, совсѣмъ жилось хорошо! Разъ отмѣчены границы крестьянскаго владѣнія для

«будущаго поземельнаго устройства», бери карандашъ, линейку и черти на полу у себя въ комнатѣ вдоль и поперекъ участки по планшетахъ. Если большое болото показано, можно его вывести изъ участка. А удобную землю бери всю подъ участки. Но тутъ выходили иногда веселые курьезы. Участокъ проектировался и утверждался, поселокъ указывался около болота, которое на планѣ нарисовано было въ видѣ цѣлаго озера, и вдругъ оказывалось, что въ участкѣ этомъ воды ни маковой росинки нѣтъ. Тогда писалось въ комиссіи: вырыть колодезь. А можно ли вырыть его, этотъ вопросъ оставался открытымъ. Или еще случай: производитель, положившись на планъ всецѣло, проектируетъ участокъ, и вдругъ оказывается, что планъ «грѣшитъ», вмѣсто пашни и покоса голый солонецъ, который былъ неусмотрѣнъ землемѣромъ, снимавшимъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ планъ съ натуры, или, наконецъ, натура самая за этотъ промежутокъ времени измѣнилась, и вдругъ вмѣсто сухой степи оказывается непролазное болото, числящееся между тѣмъ въ числѣ удобной земли. Всѣ его проглядѣли, не смотря на то, что межевымъ рекомендовалось при обхожденіи границъ вновь образуемыхъ участковъ «обращать вниманіе и на внутреннюю ситуацію и, въ случаѣ рѣзкой разницы съ натурой, исправлять старые планшеты». Но это не всегда дѣлалось, ибо ужъ очень были красивы и заманчивы старые планы. А изслѣдованій этихъ новыхъ «лишнихъ земель» вовсе не требовалось, а потому и производители работъ спали спокойно.

Не могу не припомнить одного анекдотическаго случая съ однимъ уже сошедшимъ со служебной сцены производителемъ работъ. Онъ былъ изъ выслужившихся межевыхъ, и кромѣ того, не отличался крѣпостью здоровья, будучи очень пожилымъ человѣкомъ. «Уча-

сточки» проектировалъ онъ у себя въ комнатѣ на земской квартирѣ и въ глаза не видалъ этихъ «лишнихъ земель». Вотъ, наконецъ, назначается комиссія по утверженію его участковъ. Тогда, на первыхъ порахъ всѣ горячо принялись за эти комиссіи. Онѣ назначались не зимою, какъ теперь, и не за тридевять земель отъ мѣста работъ непременно въ городѣ, а въ томъ волостномъ селѣ, среди какой волости производились работы, ибо въ спорныхъ случаяхъ могли и на мѣсто выѣхать всѣ члены въ полномъ составѣ. Дороги были хорошія, накатанныя и почти на всѣ участки можно было на тройкѣ съ колокольчикомъ проѣхать. Ну вотъ комиссія прошла благополучно. Участки почти всѣ приняты безъ измѣненій, ибо земли то степныя, но комиссія пожелала посмотреть по дорогѣ близъ лежащія участки. Тогда дѣло было новое и всѣ любопытствовали, не исключая даже исправника. Члены комиссіи весело поѣхали на тройкахъ, пообѣдавъ послѣ засѣданія. Впереди ѣдетъ старенькій производитель. Сзади цѣлый поѣздъ троекъ. Вдругъ раздается окрикъ ямщику: «стой».—Что такое?... Производитель вылѣзаетъ изъ тарантаса, когда всѣ остановились, и держитъ въ рукахъ бутылку шампанскаго.

— Господа, позвольте предложить тостъ за вновь утвержденные участки и показать одинъ изъ нихъ, — говоритъ онъ торжественно.

Всѣ вылѣзаютъ и ахаютъ отъ восхищенія. Дѣйствительно, мѣсто чудное, тутъ и рѣчка съ озеромъ, высокій уваль съ великолѣпнымъ покосомъ и оставшейся пахотой, недалеко лѣсъ. Однимъ словомъ, каждый изъ членовъ комиссіи самъ бы сейчасъ здѣсь поселился, уплативъ за землю. Выпили по бокалу. Далѣе поѣхали въ отличномъ настроеніи.

Вдругъ предсѣдатель комиссіи видитъ, часа черезъ

два ѣзды, землемѣра около дороги съ рабочими. Остановивъ повозку, онъ подозвалъ его къ себѣ и поздоровался. Всѣ вышли расправить ноги.

— Вы что тутъ дѣлаете?—спрашиваетъ предсѣдатель.

— Да вотъ провожу между новаго участка,—отвѣчаетъ тотъ.

— Какого?

Топографъ наивно называетъ имя и N* участка, который только что былъ спрыснутъ шампанскимъ.

— Какъ же такъ? — спрашиваетъ крестьянскій чиновникъ.—Да вѣдь мы его давно проѣхали?

— Нѣтъ, вы до сихъ поръ ѣхали по крестьянскимъ владѣніямъ, оставленнымъ имъ въ надѣлъ, а на этотъ участокъ вы еще только сейчасъ вѣдете,—отпарировалъ топографъ, не замѣчая того страшнаго впечатлѣнія, которое произвели его слова. Всѣ члены комиссіи недоумѣвающе смотрѣли на производителя, который скорѣе залѣзъ въ тарантасъ, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Такъ, значитъ, мы за крестьянскій надѣлъ пили?! Воскликнулъ исправникъ и закатился гомерическимъ хохотомъ. Предсѣдателю было въ ту пору провалиться сквозь землю за своего влопавшагося, какъ куръ во щи, подчиненнаго.

И это результаты «камеральнаго» проектированія участковъ. Конечно, эта «камеральность» сходила съ рукъ большею частію благополучно, ибо просторъ и ширь для нарѣзки участковъ были въ началѣ работъ необъятны въ сравненіи съ настоящимъ временемъ. Производители работъ, не смотря на «домашнее» изслѣдованіе, поражали количествомъ вносимыхъ въ комиссіи участковъ. Нерѣдко вносилось болѣе 30-ти участковъ за разъ, и партіею цѣлою представлялись сотни тысячъ десятинъ подъ заселеніе. Тогда была настоя-

щая горячка съ цифрами участковъ и десятиныхъ. И легко они доставались производителямъ! О такой легкости при таежныхъ работахъ и помину не могло быть! Тогда многіе изъ производителей «выдвинулись», легко нахватавши съ неба звѣздъ. Многіе изъ нихъ теперь уже «начальники отдѣльныхъ частей» и, положила руку на сердце, они не будутъ отрицать въ душѣ «грѣховъ» по «изслѣдованію» ими образованныхъ участковъ. Главными «изслѣдователями» были все тѣ же межевые, и межевые несовременные, а прежніе съемщичикотворцы этихъ планшетовъ «прежней съемки». Они задавали своими вычисленіями и разрисованными контурами главный тонъ производителямъ новой формации. Они совершили самое трудное дѣло, исколесивъ вдоль и поперекъ будущіе участки. Впрочемъ, ужъ такъ въ семь мѣрѣ устроено, что кроты незамѣтно трудятся, а «орлы лавры пожинаютъ и силами кротовъ жаръ загребаютъ». Но, какъ говорится, на всякую старуху бываетъ проруха. «Орлы» нерѣдко зарывались, образуя участки совершенно безводные, въ надеждѣ на спасительные «артезіанскіе колодцы» или же создавали болотистые участки съ гнилой водою, отъ которой ходаки переселенцевъ бѣжали, заткнувъ носы. Конечно, это дѣлалось все изъ-за этой горячки цифръ и конкуренціи, кто кого перещеголяетъ количествомъ образованныхъ участковъ. Ну и приходилось нѣкоторыя участки впоследствии забраковывать, не смотря на принятіе ихъ комиссіями. Чтобы какъ-нибудь исправить эти грѣхи пресловутыхъ комиссій, назначены были гидротехническія работы для осушенія болотъ и для рытья колодцевъ, гдѣ, конечно, была возможность, и дѣло было мало-по-малу исправлено. И этотъ фактъ безводности нѣкоторыхъ степныхъ участковъ былъ официально констатированъ, такъ что

въ настоящихъ строкахъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія или желанія «навести критику» по сварливости или изъ зависти на кого-нибудь изъ «отмѣченныхъ и возвеличенныхъ». А развѣ фактъ безводности или болотистости участковъ, забракованныхъ не комиссіями, не говоритъ о недостаточности или даже о полномъ отсутствіи изслѣдованія и о незнаніи производителями работъ необходимыхъ условій колонизаціи? Развѣ тутъ нѣтъ очевидной попытки показать товаръ лицомъ, скрывъ его прорѣхи и недостатки, если подъ товаромъ подразумѣвать количество цифръ въ участкахъ и десятинахъ? Часомъ ли еще разберется высшее начальство въ моей мазнѣ, думаетъ такой «герой», а я вотъ, видите, сколько «надѣлалъ» участковъ. Смотрите и награждайте!... А относительно дѣла, послѣ насъ хоть трава не расти, или, лучше сказать, *après nous le deluge!*... И, къ сожалѣнію, такъ разсуждали тогда и дѣлали многіе «гвардейцы» съ дипломами высшихъ учебныхъ заведеній, конечно, болѣе изъ филологовъ и юристовъ, и все у нихъ съ рукъ сошло и вышло въ результатѣ одна прелесть для нихъ! А если казна «немного» потеряла при исполненіи ихъ грѣховъ, не бѣда, она богата и все вынесетъ на своихъ широкихъ плечахъ! Меня спросить читатель, зачѣмъ и съ какой цѣлью вы, милостивый государь, копаетесь въ старомъ бѣльѣ и выводите наружу его прорѣхи, вѣдь это уже прошло и на большинствѣ изъ участковъ, образованныхъ «такимъ образомъ», уже сидятъ новоселы и благодушествуютъ, зачѣмъ укорять прошлое и беречь «старыя раны»? А зачѣмъ, любезнѣйшій читатель, что хотя это «прошло» да не совсѣмъ, что слѣды такой закваски «изслѣдованія» сидятъ и въ современныхъ работахъ и отпрыгаются и въ тайгѣ, и въ степяхъ. Какъ тамъ, такъ и тутъ, а

въ особенности «тамъ», въ тайгѣ, недостатокъ научнаго опытнаго изслѣдованія оказывается и проявляется съ поражающей очевидностью при заглядываніи въ «глубь вещей» при наблюденіи работъ на мѣстѣ и у ихъ источника, а не съ птичьяго полета, конечно. И это-то изслѣдованіе, основанное на всестороннемъ и дѣйствительномъ изученіи районовъ колонизаціи и строгомъ выборѣ мѣстности, является единственнымъ средствомъ для избѣжанія тѣхъ «грѣховъ», которые я дерзаю выставить въ моихъ «запискахъ».

Это изученіе природы мѣстности необходимо не только для уясненія себѣ характера и размѣра «излишнихъ земель», составляющихъ колонизаціонный фондъ, но оно сугубо необходимо для ознакомленія съ тѣми землями, которыя остаются или, скорѣе, остаются для старожиловъ въ виду «будущаго поземельнаго устройства».

И въ тѣхъ мѣстностяхъ и волостяхъ, куда это поземельное устройство не проникло, а оно, кажется, по послѣднимъ версіямъ и слухамъ, еще долго не проникнетъ, колонизаторы являются отчасти и земельными строителями, ибо они дѣлаютъ первоначальное «соглашеніе» съ крестьянами относительно необходимыхъ для нихъ земель и въ будущемъ, и въ настоящемъ. Какже тутъ не нужно изслѣдованія? если во всемъ положиться на заявленія крестьянъ, то легко впасть въ другую крайность и отдать «все лучшее», а новоселамъ одни объѣдки. Опять, если «окопачить» и «обкарнать» старожиловъ, то что тогда съ ними будетъ въ послѣдствіи? Не создастся ли въ будущемъ сибирскій земельный пролетаріатъ? И куда они высятся изъ Сибири при увеличеніи населенія и при крайнѣ медленномъ развитіи въ Сибири земледѣльческой усовершенствованной культуры? Слѣдова-

тельно, производитель работъ долженъ быть не слѣпымъ «нарѣзчикомъ» и «отводчикомъ» надѣловъ и участковъ, а сознательнымъ изслѣдователемъ и земельнымъ оцѣнщикомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Для этого нужны наука и знаніе и не въ видѣ дипломовъ только, уже не говоря о бездипломности и связанной съ нею «душевной чистотой» и пресловутой «дѣловитости» и «толковости», а дѣйствительно знанія теоріи и практики землевѣдѣнія и умѣнія свои знанія приложить къ конкретнымъ случаямъ самой жизни.

IX

Нѣчто о современной колонизаціи степей.

Когда приходится говорить о современномъ положеніи дѣла въ какой угодно области, а тѣмъ болѣе въ административной, всякій пишущій человекъ ставится прямо въ критическое положеніе. Если онъ начнетъ славословить, то читателю станетъ приторно-скучно и мыслящій читатель броситъ читать, воскликнувъ: «да что онъ насъ кормитъ старыми вещами?! зачѣмъ онъ пережевываетъ чужую жвачку и говоритъ намъ то, что давно извѣстно изъ оффиціальныхъ источниковъ, и приправляетъ своимъ фиріамомъ». Другой же скажетъ: авторъ хочетъ «выслужиться и отличиться», и также недолго начитаетъ. И притомъ фиріамы не всегда нравятся тѣмъ лицамъ, которымъ они курятся, по той причинѣ, что они уже давно имъ обкурены и во всякомъ фиріамѣ есть своя доля приторности и нѣкоторой надоѣдливости. Приведу примѣръ изъ жизни, никакого отно-

шенія не имѣющей къ колонизаціи. Когда-то я былъ знакомъ съ очень извѣстной артисткой-пѣвицей, которой курили фиміамы всѣ газеты, и русскія и заграничныя, за ея дивный голосъ. Въ концѣ концовъ, эти похвалы и газетные акафисты до того ей пріѣлись, что она перестала читать рецензіи «о себѣ», не надѣясь найти ничего для себя поучительнаго и интереснаго. И вдругъ одинъ ея знакомый сообщаетъ ей съ негодованіемъ, что голосъ и исполненіе такой «дивы», какъ она, осмѣлился разобрать «по косточкамъ» одинъ дерзкій рецензентъ, какой-то неособенно крупной газеты. Боже, какъ она заинтересовалась! Сейчасъ же полетѣли отъ нея «гонцы во всѣ концы» съ цѣлью отыскать этотъ № газеты и доставить ей. Когда она прочитала рецензію, гдѣ спокойно разбиралось ея исполненіе и прямо указывались безъ фиміама ея достоинства, какъ артистки, а также и промахи, она воскликнула: «первую интересную рецензію прочла среди скучныхъ похвалъ, которыя мнѣ до тошноты надоѣли!»

Я этотъ примѣръ привелъ только для выясненія той мысли, какъ бываютъ иногда скучны и монотонны неумѣренныя похвалы всякаго дѣла. Но бываетъ и другая крайность—желаніе на всякое хорошее дѣло «навести критику» и предвзятую. Тутъ уже ошибка противоположнаго свойства, и уклоненіе въ эту сторону вредитъ самому автору, про котораго подумаетъ свѣжій читатель, что «авторъ озлобленъ, и ему трудно вѣрить». А потому, чтобы выбраться къ берегу среди этихъ Сциллы и Харибды и, какъ говорилъ одинъ бойкій публицистъ, «пройти благополучно по канату надъ Ніагарой», я въ своемъ изложеніи буду держаться только фактической стороны и для подкрѣпленія своихъ заключеній буду ссылаться на офици-

ціальные источники, указывающіе на фактическое положеніе вещей.

Въ 1896 году началась новая «эра» колонизаціи степей, совершенно отличная отъ прежней, описанной въ предыдущихъ письмахъ. Всѣ прежніе приемы степной колонизаціи съ односторонней съемкой, съ безконтрольнымъ урѣзываніемъ киргизскихъ владѣній, со всѣми этими «блужданіями» производителей, были оцѣнены по достоинству и на нихъ наложено veto. Въ 1896 году была образована экспедиція хозяйственно-статистическаго изслѣдованія степей во главѣ съ опытнымъ статистикомъ, при чемъ всѣ дѣйствія временныхъ партій должны были согласоваться съ результатами хозяйственно-статистическаго изслѣдованія. Главною цѣлью означеннаго изслѣдованія была выработка нормъ киргизскаго землепользованія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при чемъ изслѣдованіе приурочивалось къ болѣе мелкой единицѣ, хозяйственному аулу, иначе говоря, группѣ семей, имѣющихъ общее зимнее стойбище, составляющей первичную земельную общину по отношенію къ кочевому киргизскому населенію.

При образованіи экспедиціи было предположено при хозяйственно-статистическихъ изслѣдованіяхъ «вести изслѣдованія почвъ и растительныхъ формацій одновременно и въ тѣсной связи съ работами агрономовъ-статистиковъ такимъ образомъ, чтобы спеціалистъ-геоботаникъ побывалъ въ каждомъ уѣздѣ и тамъ установилъ совмѣстно съ работающимъ въ этомъ уѣздѣ агрономомъ основанія классификаціи разныхъ видовъ угодій». Мысль благая и прекрасная. Чего же лучше какъ не вырабатывать киргизскія нормы владѣній на естественно-исторической почвѣ! Но на дѣлѣ получилось то, что эти самыя естественно-историческія изслѣдованія, «подчиненныя» статистическимъ, потонули

въ морѣ статистики... И чтобы не упрекнулъ меня читатель въ желаніи «критиковать» и во всякомъ прекрасномъ задуманномъ дѣлѣ отмѣчать и выискивать недостатки, я сошлюсь на оффиціальныи источникъ ¹⁾, которымъ констатировано было послѣ перваго же года работъ «недостаточно полное изученіе естественно-историческихъ условій степи; особыхъ специалистовъ по этой части въ составѣ экспедиціи не было, а агрономы статистики имѣли возможность изучать естественныя свойства угодій только по линіямъ своихъ маршрутовъ, которые опредѣлялись исключительно цѣлями статистическаго изслѣдованія; обширныя пространства, лежавшія внѣ этихъ маршрутовъ, остались совершенно внѣ непосредственнаго наблюденія и описывались исключительно по разспроснымъ свѣдѣніямъ». Слѣдовательно, опять природа мѣстности изучалась «опросомъ старожиловъ», которые могли фантазировать и врать, сколько имъ угодно. Когда было сознано неудобство такого «подчиненія» статистикѣ дѣла изученія природы, при которомъ послѣднее изученіе свелось на нѣтъ, тогда былъ прикомандированъ къ экспедиціи специалистъ по гео-ботаникѣ, который могъ бы объединить и связать матеріаль, добытый агрономами-статистиками при веденіи естественно-историческихъ изслѣдованій. Но одинъ въ полѣ не воинъ! Прикомандированная новая группа топографовъ и гидротехниковъ имѣла свои задачи, до почвъ и ботаники мало касающіяся.

Въ 1897 году было констатировано полное отсутствіе почвенныхъ данныхъ, въ силу чего многія «лишнія» земли остались невыясненными, не смотря на

¹⁾ Очеркъ работъ по заготовленію переселенческихъ участковъ 1893—1899 гг.

почтенную и прекрасную работу извѣстнаго специалиста (да и какъ было одному успѣть изслѣдовать такое громадное пространство, какъ цѣлая область!) при чемъ производители работъ считали пригодными для заселенія лишь черноземныя почвы, суглинки же оставались «подъ сомнѣнiемъ». Но гдѣ же можно набрать такъ много чистаго чернозема въ Акмолинскихъ степяхъ? Такимъ образомъ, наша мысль, выраженная при обзорѣ таежныхъ изслѣдованiй, блистательно подтвердилась при колонизаціи степной сибирской полосы. Недостатокъ научнаго естественно-историческаго изслѣдованія отразился на выясненiи количества земель «лишнихъ» для населенія. Слѣдовательно, нельзя было точно опредѣлить, какія земли можно взять подъ участки, а какія оставить безъ всякаго употребленія за ихъ непригодностью. И это явленіе настолько сложно, что съ нимъ приходилось считаться всякій разъ при работѣ не только въ чистой степи, но и около селеній старожиловъ въ южныхъ округахъ Тобольской и Томской губерній, и въ такъ называемой «Барабинской степи», обнимающей Каинскій уѣздъ, куда, къ сожалѣнiю, не посланы были никакія экспедиціи. Особенное затрудненіе здѣсь встрѣчалось при выдѣленіи «солонцовъ» отъ кормовыхъ луговъ и пахатной земли. Здѣсь безъ ботаники происходили самыя сбивчивыя опредѣленія. Дѣйствительно, солонцы, какъ извѣстно, характеризуются совершенно специальнымъ травянымъ покровомъ, вполне отличнымъ отъ кормового покрова. Но солонцы начинаются не вдругъ, а сначала идутъ «подсолонки» и нѣкоторая смѣсь съ кормовыми травами солончаковыхъ растеній. Межевые при съемкѣ чистые солонцы еще опредѣляютъ довольно вѣрно, но тѣ мѣстности и пункты, гдѣ природа солончаковыхъ степей какъ бы борется съ лугомъ, гдѣ со-

лончаковая флора еще начинаетъ вступать въ силу, преодолевая луговую растительность, тамъ межевые чины, ничего въ жизни не знавшіе, кромѣ мензулы, положительно становятся въ тупикъ. Въ ихъ опредѣленіяхъ являются двѣ крайности. Или они всѣ такія сомнительныя контуры обозначаютъ терминомъ «солонецъ», хотя бы это былъ вполне годный для пользованія лугъ, или же они пренебрегаютъ этими солонцами и снимаютъ ихъ подъ терминомъ «лугъ» или «степь» (послѣдній терминъ совершенно обвѣтшалый, подъ нимъ можно и «пахоту» подразумѣвать, и Богъ знаетъ что). При такой сбивчивости представленій о такомъ еще запутанномъ вопросѣ, какъ «солонецъ», развѣ можетъ быть вполне правильное опредѣленіе пригодныхъ и непригодныхъ для культуры земель? Понятно, тутъ фантазіи можно разгуляться, какъ угодно, и бѣднымъ російскимъ мужичкамъ не разъ придется чесать затылокъ при полученіи такихъ «солончаковыхъ» степей въ качествѣ удобныхъ земель. Затѣмъ, это опредѣленіе пригодности солонцовъ въ количествѣ $\frac{1}{3}$ изъ всего снятаго пространства развѣ не допотопно и не устарѣло? Почему $\frac{1}{3}$, а не $\frac{3}{8}$ и не $\frac{3}{4}$? Это такъ «въ старину» опредѣляли! А между прочимъ этотъ приѣмъ царя гороха практиковался межевymi на моихъ глазахъ при съемкѣ «излишнихъ за надѣломъ старожиловъ земель» въ Барабинской степи, въ Каинскомъ уѣздѣ. Можетъ быть, «теперь» экспедиція вывела и выкурила эту сбивчивость понятій при совмѣстныхъ работахъ въ Акмолинской области, если только были, конечно, произведены спеціальныя изслѣдованія по солончаковой флорѣ и выяснена переходная флора къ кормовымъ травамъ, если были произведены анализы солончаковыхъ переходныхъ почвъ и сдѣланы пробныя посѣвы на нихъ

для изученія ихъ пригодности. И такъ какъ я вѣрно не знаю, были ли сдѣланы или нѣтъ такія спеціальныя изслѣдованія, то опасаясь говорить, и ставлю точку на этомъ вопросѣ.

Перейду къ разбору хозяйственно-статистическаго изслѣдованія. Оно было задумано широко и основательно, надо честь отдать. Статистикамъ были розданы бланки 5 сортовъ для описанія хозяйственнаго аула, для каждой киргизской семьи, для общаго пользованія хозяйственныхъ ауловъ и группировки ихъ по пастбищамъ, для естественно-историческихъ условій по каждой волости (для статистиковъ-то?) и, наконецъ, для выясненія бюджета киргизской семьи, все это — съ цѣлью получить твердыя основанія для выработки нормъ потребленія среднею семьею, а слѣдовательно, и нормъ для исчисленія потребнаго для средней семьи количества скота и кормовыхъ средствъ. Программа широкая и строго обдуманная, но и очень сложная.

Не входя въ критику дѣйствій статистической экспедиции, я только констатирую фактъ, что въ результатахъ ея работъ явились слѣдующіе существенные пробѣлы, опять говорю, не отступая отъ официальнаго источника. «Было обнаружено въ рядѣ случаевъ, крупное несходство вычисленныхъ экспедиціею площадей киргизскихъ пользованій съ дѣйствительностью» ¹⁾ разниа въ цифрахъ была въ родѣ такой: 5625 и 1970 или 15000 и 8125 десятинъ... Затѣмъ экспедиціею не было принято въ соображеніе при вычисленіи «излишнихъ земель» тѣхъ пространствъ, «на которыхъ выпасается киргизскій скотъ во время перекочевокъ съ зимовокъ къ лѣтовкамъ и обратно и которыя, разъ признано необходимымъ сохранить су

¹⁾ Очеркъ раб. по зас. пересел. уч.

ществующее кочевое хозяйство киргизъ, должны быть оставлены свободными и, слѣдовательно, исключены изъ счета свободныхъ земель, могущихъ быть обращенными для нуждъ колонизаціи». Иначе говоря отнятіемъ этихъ пастбищъ кочевое хозяйство киргизъ могло быть уничтожено и киргизы могли быть обездолены также, какъ и на первыхъ порахъ работъ до экспедиціи. Къ счастью, этотъ пробѣлъ былъ усмотрѣнъ чинами временной партіи, которые, какъ видно, зорко слѣдили за «ученой» экспедиціей. Затѣмъ, спустя два года работъ, былъ константированъ фактъ, что «статистическая экспедиція» не дала особыхъ указаній относительно потребностей киргизъ въ сѣнокошныхъ угодьяхъ, а именно «для разрѣшенія вопроса о наличности или отсутствіи» этихъ угодій. И этимъ пробѣломъ подтверждается, до извѣстнѣй степени, высказанное ранѣе предположеніе о недостаточности — специальныхъ» изслѣдованій о размѣрахъ кормовыхъ площадей. А такъ какъ въ нихъ входятъ въ Акмолинскихъ степяхъ «солонцы» во множествѣ, то въ этихъ солонцахъ и въ ихъ неточномъ опредѣленіи таится корень этого крупнаго пробѣла. Разъ не опредѣлены точно солонцы, не могутъ быть опредѣлены точно сѣнокосныя (кормовыя) площади и, конечно, не могутъ быть даны опредѣленные данныя объ «излишкахъ» земель, тѣхъ излишкахъ, изъ которыхъ и образуются участки. Конечно, «надѣлать» участковъ можно неисчислимое количество, но можно и «вкатить» въ составъ ихъ чрезмѣрную дозу солонцовъ, которые требуютъ большой осторожности и весьма тонкихъ изслѣдованій...

Но отчего явились указанные пробѣлы въ работахъ экспедиціи, съ подробной программой и съ «5-ю сортами бланокъ»? Вотъ въ этомъ-то очень большомъ количествѣ «бланокъ», кажется, все и затрудненіе.

Такова судьба статистики — чѣмъ болѣе бланокъ и чѣмъ подробнѣе они по числу «рубрикъ», тѣмъ болѣе шансовъ на сомнительность ихъ выполненія и на точность цифровыхъ данныхъ, заполняющихъ эти безчисленные рубрики...

Я зналъ одного «завѣдующаго», который уже сошелъ со сцены, и вотъ онъ, «по сильному усердію», выдумалъ для межевыхъ чиновъ «отчетныя» вѣдомости во время полевыхъ работъ, которыя были раздѣлены на 125 рубрикъ; сюда входили такія заглавія: «опредѣленіе времени по выжиданію порученія», «отдыхъ», «переѣздъ», «остановка», однимъ словомъ, каждый часъ «межевого» чина былъ учтанъ и расчитанъ «усерднымъ» завѣдующимъ, недоставало вычисленій часовъ «на баню» на «куреніе папирозъ», «свертываніе вертуновъ», излюбленныхъ при работахъ, такъ что межевому оставалось, если пунктуально исполнять эти вѣдомости, бросить полевую работу и заниматься съ часами въ рукахъ расчисленіемъ своего образа жизни и времяпрепровожденія. Конечно, въ результатѣ эти вѣдомости были заполнены фантастически «со стѣнки», какъ пишутся «свѣдѣнія» волостныхъ правленій... Боже меня упаси, чтобы я приравнивалъ бланки почтенной экспедиціи къ такимъ «вѣдомостямъ». Въ бланкахъ, конечно, менѣе гораздо 125 рубрикъ, а все-таки ихъ немало, и статистиками рубрики бланокъ не могли быть заполнены всегда точно, и нерѣдко они заполнялись по опросамъ киргизовъ черезъ переводчиковъ, а тутъ можетъ быть много невѣрностей, въ особенности въ десятинахъ, не говоря уже о «естественно-историческихъ» данныхъ, которыя не поддаются статистикѣ, и связывать два эти ремесла да еще въ одномъ лицѣ, какимъ являлся «агрономъ-статистикъ» весьма трудно, что оказывается на самомъ дѣлѣ...

Я самъ не статистикъ, а натуралистъ и для меня статистика, какъ наука, «темна вода во облацѣхъ», но, тѣмъ не менѣе, я разъ въ своей жизни былъ «пришитъ» къ ней до извѣстной степени и расскажу кое-что о своихъ впечатлѣнiяхъ.

Въ 1886 г. я попалъ въ число «изслѣдователей экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ западной Сибири» прямо со школьной скамьи. Намъ было немного, все это были люди съ высшимъ образованiемъ и съ «лучшими надеждами». На насъ было возложено собиранiе статистическихъ свѣдѣнiй на мѣстѣ по землепользованiю, скотоводству, лѣсоводству, промысламъ, количеству годныхъ работниковъ и т. д. Всѣ задачи трудно перечестъ. Дана была на первыхъ порахъ довольно смутная программа, а черезъ годъ подробная съ «бланками и рубриками».

И вотъ послѣ точныхъ лабораторныхъ и кабинетныхъ приемовъ, требуемыхъ при изученiи естественныхъ наукъ, при столкновенiи съ населенiемъ и показанiями сибиряковъ я, какъ говорится, «сѣлъ на мель» и не зналъ, что дѣлать съ тѣми «свѣдѣнiями», которыя получались изъ «опросовъ» мѣстнаго населенiя. Между тѣмъ намъ рекомендовано было строгаго и недовѣрчиво относиться къ «даннымъ» волостныхъ правленiй. Поѣхали мы по деревнямъ и весямъ. Во-первыхъ, сибиряки при видѣ «чиновника» да еще «петербургскаго», въ прежнее время, когда изъ Питера чрезвычайно рѣдко кто наѣзжалъ, приходили въ трепеть и налагали печать молчанiя на уста. «Инкогнито» намъ не рекомендовалось да и врядъ ли оно было возможно при нѣкоторой проницательности мѣстныхъ жителей, и при томъ слухъ о нашемъ приѣздѣ далеко бѣжалъ впереди насъ. Слѣдовательно, приходилось открывать свои карты. Отсюда происходило страш-

ное недоуверіе къ намъ. Да оно вполне естественно. Постоянно осаждали насъ вопросами: «зачѣмъ это знать нужно, что будетъ изъ этого, почему насъ допрашиваютъ?!» А мы и сами хорошо не знали тогда, къ чему поведутъ эти «свѣдѣнія». Общій отвѣтъ былъ: «для грядущаго поземельнаго устройства»... А насъ спрашивали: «а подати-то увеличатся? Значить и скотина будетъ обложена, коли вы спрашиваете? И за промысла-то придется платить? а за землю какъ?»

Что было отвѣчать на эти вопросы крестьянъ-сибиряковъ, сугубо недоуверчивыхъ, ибо къ нимъ до сей поры не наѣзжали ни земскіе статистики ни податные инспектора, тогда и о чугункѣ-то не было слышно, а ѣздили по Большому Московскому тракту на «дружкахъ» да на почтовыхъ, а по проселкамъ на земскихъ лошадахъ, и главными чиновниками были «засѣдатели» да только что введенные «міровые» или «чиновники по крестьянскимъ дѣламъ», а «петербургскіе чиновники» были для нихъ въ родѣ «жупела», и о нихъ сибиряки имѣли самыя преувеличенныя представленія и совершенно превратныя понятія о цѣляхъ собиранія такихъ свѣдѣній. Прежде всего имъ казалось, что чѣмъ они болѣе покажутъ земли и скота и промысла, тѣмъ будетъ для нихъ хуже, и они тѣмъ болѣе заплатятъ податей. А потому они ввалили немилосердно. Это было какое-то повальное вранье, умышенное съ предварительной «стачкой». Получились результаты невѣроятныя. Напримѣръ, въѣзжаешь въ богатѣйшее село съ великолѣпными домами и огромными постройками. Являются «довѣренныя» и «свѣдующіе» люди по вызову «ислѣдователя», одѣтые съ иголки и франтовато. И у нихъ оказывается ничтожнѣйшій инвентарь и минимальное количество земли безъ всякихъ промысловъ и заработковъ; однимъ сло-

вомъ ихъ «экономическій бытъ» по показаніямъ ихъ оказывался самымъ плачевнымъ и даже хуже, чѣмъ въ сосѣдней маленькой бѣдной деревушкѣ. Спрашивается чѣмъ они живутъ и какъ разбогатѣли? Ни земли, ни посѣвовъ, ничего... Собираешь сходъ, спрашиваешь почти всѣхъ домохозяевъ. Результаты тѣ же. Ъдешь по полямъ, одна прелесть, обширность неизмѣримая, «поскотина» (выгонъ для скота) такая, что въ нее уляжется цѣлый надѣлъ «россійской» деревни для всего общества. Какъ тутъ опредѣлить «по показаніямъ» землепользованіе? Про скотъ и говорить нечего. А свѣдѣнія необходимы для отчета. Что жъ дѣлать? Берешь «свѣдѣнія» волостного правленія объ инвентарѣ, хорошо еще, что существуетъ обложеніе скота въ нѣкоторыхъ селеніяхъ «промежь себя», и раздобудешь эту вѣдомость. И даже по ней видишь ужасающую разницу въ «показаніяхъ».

— Зачѣмъ вы мнѣ такъ ввали? и вамъ не стыдно? говоритъ изслѣдователь оторопѣвшимъ мужичкамъ.

— Податей испужались, ваше в-діе, — отвѣчаютъ они, почесывая въ затылкахъ.

И вотъ этотъ страхъ «податей» сводилъ на нѣтъ пользу такихъ опросовъ. Получалась «своя» статистика у изслѣдователя, а у волостного правленія своя. Которая изъ нихъ ближе къ истинѣ, трудно сказать. Въ иныхъ случаяхъ волостная статистика внушала большее довѣріе и включалась въ печатный отчетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, винить даже мужиковъ нельзя. Взять хоть бы интеллигентнаго человѣка. Если придетъ къ нему «спеціальный» чиновникъ, какъ «статистикъ», и начнетъ спрашивать, сколько у него всякаго добра и денегъ въ карманѣ, тотъ посмотритъ на него съ подозрѣніемъ и начнетъ убавлять, елико возможно, свои недостатки, говоря деликатно, а по просту, врать. Ибо

всякій хозяинъ подумаетъ: «чортъ его знаетъ, можетъ быть, мое добро еще пошпиной да налогомъ будетъ обложено, лучше ужъ поменьше сказать». На это натыкались нерѣдко счетчики однодневной переписи и могутъ подтвердить конкретными примѣрами. Результатомъ собиранія «статистическихъ свѣдѣній по экономическому быту крестьянъ западной Сибири» были цифровыя данныя весьма сомнительныя, особенно относительно количества земель и скота и какъ бы не поднимали и не раздували значеніе этихъ цифръ нѣкоторые авторы многотомныхъ «матеріаловъ», но, искренно говоря, эти цифры невѣрны и дуты. Еще общіе выводы по характеру землепользованія, по системамъ сибирскаго земледѣлія, имѣютъ значеніе; равно какъ и описаніе характера мѣстности представляетъ нѣкоторый интересъ, но цифры!.. Богъ съ ними! Пусть читатель не подумаетъ, что я сравниваю «изслѣдованіе экономическаго быта крестьянъ Западной Сибири» 1886—1889 гг. съ хозяйственно-статистическимъ изслѣдованіемъ сибирскихъ степей, начатымъ въ 1896 г. Я далекъ отъ этой мысли, ибо послѣднее изслѣдованіе представляло цѣлую экспедицію съ большимъ составомъ техниковъ, снимавшихъ земли инструментально, а потому такихъ цифровыхъ погрѣшностей здѣсь быть не можетъ, изслѣдованіе же 1886—1889 гг. велось, какъ говорится, «съ голыми руками» и повѣркою могли служить только убѣжденность и сознаніе самихъ изслѣдователей. Я разговорился только о томъ личномъ впечатлѣніи, какое на меня произвели статистическіе приемы, не контролируемые спеціальными методами, принятыми экспериментальною и точною наукою, въ рукахъ которой имѣются измѣреніе величинъ, опредѣленіе физическихъ и химическихъ признаковъ и строгая дедукція безъ всякой фантазіи и натяжки.

Да не подумаютъ гг. присяжные статистики, что я этимъ откровеннымъ изображеніемъ моихъ «статистическихъ» впечатлѣній хочу доказывать несостоятельность статистики, какъ науки. Боже меня сохрани! Безъ статистики не можетъ обойтись ни одно культурное государство. И эту истину нечего доказывать. Но при колонизаціи малоизслѣдованной страны ея роль должна быть весьма ограничена. И если въ основаніяхъ изученія природы мѣстности будетъ положена статистика, то получатся тѣ недочеты, которые констатированы при работахъ экспедиціи хозяйственно-статистическаго изслѣдованія. И эти недочеты будутъ имѣть мѣсто при самомъ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу статистиковъ, ибо въ рукахъ ихъ только методы «опросовъ» мѣстнаго населенія и искусство группировать данныя, собранныя посредствомъ этихъ опросовъ въ ясныя для всѣхъ результаты, но никакъ не методы тонкаго изученія природы. На первомъ планѣ стоятъ цифры и цифры, которыя въ агрономическихъ экспериментальныхъ наукахъ не играютъ первой роли. Въ послѣднихъ наукахъ такихъ, какъ химія, ботаника, геологія, агрономія, опыты не обходятся безъ цифръ, но они являются нечасто и только средствомъ, а никакъ не цѣлью, и въ этихъ наукахъ нѣтъ и не можетъ быть той «игры на цифрахъ, какъ на клавишахъ», которою блещутъ присяжные статистики. Хорошо, если эти цифры добыты неопровержимымъ математическимъ путемъ, игра ими поучительна, и выводы весьма цѣнны. А если эти цифры подлежатъ сомнѣнію, то какіе могутъ получиться выводы? Очевидно, тоже приблизительные и пасующіе передъ выводами и данными, добытыми хотя бы путемъ инструментальной съемки, какъ это было замѣчено при большой разницѣ въ земельныхъ площадяхъ киргизскаго

пользованія, отмѣченной между данными экспедиціи и данными инструментальной съемки. Итакъ, признавая всю пользу статистическихъ приѣмовъ при опредѣленіи нормы киргизскаго надѣла въ каждой хозяйственной единицѣ, остается пожелать, чтобы эти приѣмы шли рука объ руку съ естественно-историческимъ методомъ изслѣдованія природы мѣстности, но не доминировали надъ нимъ и не поглащали его всецѣло до такой степени, что точныя естественно-историческія данныя составляли бы малую толику и утопали бы въ морѣ статистическихъ цифръ. Противъ этого «затопленія» статистикою натуралистическаго изслѣдованія степеней для колонизаціонныхъ цѣлей я и привелъ вышеупомянутые доводы изъ моихъ личныхъ впечатлѣній въ настоящей главѣ. Но какія же мѣры могутъ быть приняты противъ такого «потопленія?» Тѣ же самыя, что и для изслѣдованія тайги въ общемъ. Нужно увеличить число натуралистовъ въ обширномъ значеніи этого слова для экспедиціи, чѣмъ болѣе ихъ будетъ съ составѣ экспедиціи, тѣмъ лучше. Для этой цѣли нужно привлечь въ составъ экспедиціи какъ можно большее число почвовѣдцовъ, агрономовъ-практиковъ, ботаниковъ, химиковъ (для анализовъ) и прочихъ спеціалистовъ на почвѣ такихъ наукъ, какъ метеорологія, геологія, почвовѣдѣніе и др., давъ имъ, научно и вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнительно къ дѣлу выработанную, программу. Кромѣ того, нужны опытные станціи на мѣстѣ работъ, куда бы свозились собираемая коллекціи и матеріалы и гдѣ бы имѣлись всѣ пособія въ видѣ приборовъ для производства опытовъ, анализовъ и опредѣленій, а также пробныхъ посѣвовъ. Конечно, для этого нужны средства и средства. Но, какъ и въ письмахъ о тайгѣ и ея колонизаціи, я скажу, что разъ будетъ признана необходимость и безспорная

польза такой постановки колонизаціоннаго дѣла, въ нашемъ отечествѣ найдутся средства и даже съ избыткомъ.

Х.

По поводу одной книги.

Въ заключеніе моихъ записокъ о колонизаціи Сибири мнѣ придется *volens-nolens* заняться разборомъ одной книги подъ заглавіемъ «матеріалы по вопросу о колонизаціонной вмѣстимости Пріамурскаго края. Отчетъ А. А. Кауфмана по командировкѣ въ Пріамурскій край лѣтомъ 1901 г.».

Такъ какъ эта книга принадлежитъ перу одного г. Кауфмана и издана для распространенія среди публики, то я считаю возможнымъ развернуть ее передъ читателемъ въ главнѣйшихъ ея положеніяхъ, тѣмъ болѣе, что въ ней трактуется о столь новомъ и животрепещущемъ вопросѣ, какимъ является для настоящаго и будущаго времени колонизація Пріамурскаго края.

Въ своемъ введеніи г. Кауфманъ подробно излагаетъ цѣль данной ему командировки. Она заключалась въ томъ, чтобы принять ближайшее участіе въ первоначальной постановкѣ и выработкѣ общаго плана работъ Амурской и Уссурійской партій и войти въ ближайшее обсужденіе и изученіе вопроса о колонизаціонной вмѣстимости Амурской и Пріамурской областей и о видахъ на успѣхъ дальнѣйшихъ работъ по образованію переселенческихъ участковъ въ нихъ.

Въ своемъ введеніи, написанномъ въ возвышенномъ тонѣ, какимъ пишутъ у нѣмцевъ *die reisenden personen*, съ указаніемъ сопровождающей свиты и про-

чихъ атрибутовъ (Macht und Kraft), авторъ поражаетъ читателей слѣдующимъ признаніемъ: «излагаемые ниже (во 2-й и 3-й главѣ отчета) соображенія и выводы относительно колонизаціонной вмѣстимости Сѣверно-Уссурійскаго края основаны не столько на результатахъ личныхъ изслѣдованій, сколько на данныхъ, сообщенныхъ мнѣ чинами Уссурійской партіи или извлеченныхъ изъ разнообразныхъ рукописныхъ и печатныхъ, картографическихъ или описательныхъ матеріаловъ—вообще на данныхъ, почерпнутыхъ мною, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ. Съ этой стороны данныя эти позволяли придти къ достаточно опредѣленнымъ заключеніямъ относительно колонизаціонной вмѣстимости Сѣвернаго края... Съ другой же стороны, для сколько нибудь полнаго личнаго ознакомленія съ характеромъ Сѣвернаго края потребовалось бы совершить рядъ отдѣльныхъ большихъ экскурсій, которыя въ совокупности заняли бы въ нѣсколько разъ больше времени, нежели я могъ затратить на Сѣверно-Уссурійскій край. Въ виду этого я ограничился въ сказанномъ краѣ осмотромъ нѣсколькихъ участковъ изъ наиболѣе плохихъ, образованныхъ въ 1900 году раіонѣ побережья Уссури между Бикиномъ и Иманомъ и непродолжительною экскурсіею вверхъ по этой послѣдней рѣкѣ».

Легко и просто! Посмотрѣлъ нѣсколько участковъ и сказалъ свое «рѣшающее» слово о «колонизаціонной вмѣстимости» цѣлаго огромнаго края. И кромѣ того и времени-то было мало дано, да и всѣ данныя-то изъ вторыхъ рукъ взяты, а тѣмъ не менѣе посмотрите, читатели, какой я замѣчательный человекъ, пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ. Развязность необыкновенная и видимо не русская! Такъ можетъ случайно «распоясаться» передъ публикой только «иноплеменникъ»

который нѣтъ нѣтъ да и обнаружится, не смотря на высокопарный тонъ и «высокія» темы.

Ранѣе г. Кауфманъ убѣждаетъ читателей; «Въ предѣлахъ сказаннаго срока (съ мая 1-го и по 1-й октябрь командировки, за вычетомъ 1^{1/2} мѣсяца на проѣздъ до мѣста и обратно) я постарался сдѣлать все, что было для меня доступно, чтобы возможно полно и всесторонне выяснитъ поставленные цѣлью моей командировки вопросы и использовать весь относящійся къ нимъ матеріаль».

Духъ этого увѣренія нѣсколько напоминаетъ объявленія д-ра Рамма о его пресловутыхъ изданіяхъ «самообразованія» и «саморазвитія», а потому разберемъ, въ чемъ заключается это «все» съ его «полнотою» и «всесторонностью».

Предупредивъ читателя, что данныя всѣ взяты, такъ сказать, изъ вторыхъ рукъ, авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи доказываетъ это блестящимъ образомъ. Вся первая глава, имѣющая громкое заглавіе «Амурская область» (маленькая область), состоитъ, главнымъ образомъ, изъ ссылокъ на литературные источники, какъ-то: сочиненія Коржинскаго, Комарова и друг. на заключенія разныхъ производителей работъ и даже землемѣровъ. Къ послѣднему приему прибѣгаетъ авторъ при рѣшеніи такого важнаго вопроса, какъ культурная пригодность «сырыхъ степей» (на стр. 69). Личныя же его наблюденія занимаютъ весьма немного мѣста, всего какихъ-нибудь одну-двѣ странички и выливаются подъ видомъ якобы «естественно-историческихъ» замѣтокъ въ слѣдующіе шедевры (при характеристикѣ сырой степи): «сколько я могъ замѣтить, почва подъ бѣлою березой такая же суглинистая, какъ и на открытой степи, только *безъ слѣдовъ сырости*, и сопоставленіе этого факта съ наблюденіями, сдѣланными

въ Уссурійскомъ краѣ, позволяетъ думать, что березовыя рощи засѣли (?) просто на наиболѣе обсохшихъ участкахъ степи господствующаго въ данномъ районѣ типа. Наконецъ, уже внѣ моего маршрута, но въ районѣ рекогносцировки землемѣра Коровина, на равнинѣ встрѣчаются и лиственные насажденія, которыя характеризуютъ здѣсь наиболѣе сильную и, такъ сказать, злостную заболоченность, при холодной глинистой почвѣ».

Гдѣ вы, читатель, видали, чтобы на землѣ березовыя рощи могли сидѣть или «засѣсть»? Въ какомъ естественно-историческомъ описаніи могутъ встрѣчаться столь удивительно-простыя и болѣе чѣмъ странныя умозаключенія? Откуда-нибудь явились же эти рощи? И какъ это онѣ росли? Можетъ быть сначала слетѣли?...

И что это за «злостная заболоченность»? Какъ это болото можетъ злиться? Быть можетъ, у г. Кауфмана встрѣчаются также «веселыя» болота?!

При такомъ описаніи и взглядѣ на природу становится очень весело, и русскимъ почвовѣдамъ и ботаникамъ остается только изумляться при видѣ такого новаго одухотворенія рощъ и болотъ да еще вдобавокъ съ лиственными насажденіями, при чемъ рощи цѣлыя садятся и болота озлобляются... Это отчасти напоминаетъ нѣкоторые рассказы покойнаго И. Ф. Горбунова. Тамъ тоже нѣкіи старцы и странники, шедшіе на богомолье, видѣли «птицу Ибрагимъ, говорящую зычнымъ человѣческимъ голосомъ», но они не имѣли претензій «опредѣлять колонизаціонной вмѣстимости» посѣщаемыхъ ими мѣстъ, а просто рассказывали купчихамъ о своихъ многотрудныхъ походахъ, какъ имъ Богъ на душу положить и чѣмъ болѣе они «присочиняли», тѣмъ болѣе на нихъ сыпалась благостыня. Но въ серъ-

езномъ дѣлѣ ихъ рассказы и повѣтствованія не могутъ служить примѣромъ.

Итакъ, сдѣлавъ подобныя «замѣчательныя» наблюденія, г. Кауфманъ со свойственной ему развязностью не оставляетъ читателя безъ общихъ выводовъ и заключеній въ видѣ нижеслѣдующаго. Приведемъ въ подлинникѣ съ авторскимъ курсивомъ:

«... во всѣхъ частяхъ области, куда только мнѣ ни удавалось проникнуть (!?), я находилъ на лицо естественныя условія, обусловливающія возможность земледѣльческой колонизаціи, въ томъ числѣ и въ такихъ, которыя, по разспроснымъ даннымъ (хороши данныя!) и по литературнымъ указаніямъ, можно было бы предполагать совершенно непригодными (почему?) для заселенія русскими хлѣбопашцами. И что еще важнѣе—нигдѣ мнѣ не пришлось достигнуть естественныхъ сѣверныхъ границъ возможности земледѣльческаго хозяйства (еще бы! для этого надо побольше и подальше поѣздить!); напротивъ, изученіе характера растительности (хорошо изученіе!) въ самыхъ крайнихъ пунктахъ пройденныхъ мною маршрутовъ, пунктахъ, довольно далеко выходящихъ за предѣлы существующаго остова (что это такое?) колонизаціи области въ связи съ разспросными данными, приводило къ убѣжденію, что земледѣліе возможно еще гораздо дальше (ну, а примѣрно насколько, однако?), нежели мнѣ довелось проникнуть,—дальше иногда не на одну сотню верстъ. (Точно опредѣлено!) А изъ этихъ положеній естественно вытекаетъ то общее заключеніе, что имѣющійся въ Амурской области запасъ земель, пригодныхъ для земледѣльческой колонизаціи, долженъ быть очень значителенъ».

Выводъ важный!.. Такой выводъ, при чтеніи кото-

раго можно впасть въ глубокое раздумье и руками развести, обратившись молитвенно къ Іеговѣ, чтобы онъ послалъ откровеніе, насколько значителенъ запасъ колонизаціонныхъ земель въ Амурской области! Для такого вывода, по нашему мнѣнію, не стоило бы выѣзжать изъ Петербурга, а просто можно бы было ограничиться Публичной Библіотекой или другими книгохранилищами, запросивъ кстати о своихъ заключеніяхъ и мнѣніяхъ гг. производителей работъ и землемровъ, работавшихъ въ Амурской области. И, право, при нѣкоторой натасканности по литературной части въ смыслѣ «концепціи матеріаловъ и резюмированія» можно придти къ тому же выводу, написавъ книжку посерьезнѣе.

Впрочемъ, кому талантъ, кому два, и каждый пожинаетъ лавры по своему. .

Въ слѣдующихъ главахъ книги г. Кауфмана, трактующихъ о Приморской области, проходитъ яркою чертой все та же тенденція изслѣдованія изъ вторыхъ рукъ и даже въ такомъ щекотливомъ вопросѣ, какъ почвенныя условія. На страницѣ 236 онъ пишетъ слѣдующее про ниже-Амурскія почвы. «Эти послѣднія распадаются на двѣ, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга категоріи: наносныя почвы амурской долины и почвы пологихъ уваловъ. Осматривать гдѣ-либо долинные земли я счелъ совершенно излишнимъ, (sic), такъ какъ о характерѣ ихъ можно было составить себѣ достаточно ясное понятіе по аналогіи съ почвами долинъ Уссури и средняго Амура и по показаніямъ крестьянъ».

Развѣ на этихъ показаніяхъ можно что-нибудь основывать и даже о нихъ упоминать? Извѣстно всякому, мало-мальски соприкасавшемуся съ крестьянами, какъ у нихъ сбивчивы представленія о почвахъ. Отъ нихъ

можно слышать такіа опредѣленія, какъ «бѣликъ», «трунда», «красикъ» и пр., которыя, если не ничего, то весьма мало что говорятъ уму изслѣдователя и требуютъ немедленной провѣрки въ видѣ извлеченія образчиковъ почвъ и не такъ зря, а по установленнымъ въ наукѣ о почвахъ правиламъ. И это еще только первый актъ изученія мѣстныхъ почвъ, а затѣмъ слѣдуетъ производство анализовъ механическаго и химическаго, и только тогда уже можно дѣлать тѣ или иныя заключенія о характерѣ почвъ и ихъ «надежности», въ чемъ далѣе не стѣсняется нисколько «смѣлый» авторъ разбираемой нами книги. Когда же у него не хватаетъ, что называется, пороха въ смыслѣ доказательности культурной пригодности какой-либо части «изслѣдованнаго имъ края», то онъ ограничивается такими фразами: «чтобъ не удлиннять безъ надобности изложенія, я не буду входить въ какія-либо подробности относительно Улахинской долины. Замѣчу только, что она дѣйствительно представляется почти сплошь удобною для распашки и что въ ней лишь изрѣдка попадаются и то годныя для покоса—мокроватыя или мокрыя низины».

Со своей стороны замѣтимъ, что эти подробности, главнымъ образомъ, и необходимы для уясненія читателю природы и естественныхъ условій края. А что касается до длиннотъ изложенія, то вся книга переполнена этими длиннотами, которыя могли бы быть сокращены на двѣ трети безъ ущерба для дѣла, ибо за отсутствіемъ цѣннаго естественно-историческаго матеріала она разбавлена на 292 страницахъ, не считая литературныхъ указаній, авторской водицей безрезультатной и бездоказательной. И эта водица избличаетъ прекрасно самого автора, способнаго писать со скоростью пишущей машины толстущія книги съ

неимоверною легкостью для себя, но непереваримыя для читателя.

Въ концѣ книги замѣчается одна особенность, доказывающая именно эту удивительную способность автора сочинять «немедленно и моментально» толстыя книги, и эту способность свою онъ старается подчеркнуть передъ читателемъ слѣдующимъ демонстративнымъ образомъ. Въ концѣ ея, на мѣстѣ авторской подписи, напечатано «пароходъ графъ Игнатьевъ, на Шилкѣ 6-го сентября 1901 г.»

Скажите, кому собственно интересно знать, гдѣ г. Кауфманъ писалъ свое произведеніе, — въ вагонѣ, у себя ли въ квартирѣ или въ паровой каютѣ? Если бы онъ былъ графъ Л. Н. Толстой или Тургеневъ, или Гумбольдтъ, ну такъ еще это было бы довольно интересно для почитателей въ смыслѣ біографическихъ подробностей.

А тутъ выходитъ одинъ смѣхъ, и является подозрѣніе, что авторъ хотѣлъ показать свою необычайную быстроту работы и способностей.

«Смотрите-де, какой я молодець, не кончился еще срокъ командировки, я еще ѣду на пароходѣ, а уже моя книга готова! Написать мнѣ ее ровно ничего не стоитъ!»

Да, удивительно и поразительно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возмутительно при видѣ того, какъ авторъ бравируетъ со своими выводами о колонизаціонной вмѣстимости края, въ который онъ былъ посланъ для его изученія и для изученія не личного «для своихъ цѣлей и изъ любознательности», а для цѣлей устройства благосостоянія будущаго пришлага населенія. И зная, что это «все» или почти «все» написано на палубѣ или въ каютѣ парохода «графъ Игнатьевъ», съ поспѣшностью «интервьюера» набрасывающаго свои

замѣтки въ памятную книжку и пускающаго свою «книжку» въ свѣтъ, дѣлается обидно и за населеніе и за самое дѣло.

Я бы, конечно, не сталъ утомлять вниманіе читателя выдержками изъ этого творенія, если бы въ немъ не таилось другого, болѣе важнаго. Авторъ, занимая официальное положеніе въ переселенческомъ дѣлѣ, обнаруживаетъ здѣсь свой взглядъ на дальнѣйшее теченіе землеотводныхъ работъ въ Приамурскомъ краѣ и даетъ нѣкоторое представленіе о ихъ ходѣ. А такъ какъ его участіе въ данномъ случаѣ можетъ не остаться безъ послѣдствій для населенія въ смыслѣ могущихъ появиться нѣкоторыхъ мѣропріятій, то остановимся на этой болѣе серьезной сторонѣ дѣла.

Во второй части своего сочиненія г. Кауфманъ на нѣсколькихъ страницахъ трактуетъ о пессимистическомъ настроеніи мѣстнаго общества о колонизаціонной емкости края, а также о взглядахъ чиновъ Уссурійской партіи, которые проявляютъ въ своихъ дѣйствіяхъ при опредѣленіи колонизаціонной емкости и качества отведенныхъ (218 стр.) для заселенія земель чрезмѣрную и преувеличенную осторожность, при чемъ многія земли, которыя могли бы быть признаны пригодными для культуры, остаются неиспользованными». Эта осторожность въ заключеніяхъ, по мнѣнію автора, особенно проявляется въ опредѣленіи культурной пригодности такихъ частей края, какъ горный массивъ (до залива св. Ольги), о которомъ подлинныя отзывы приводятся въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ со словъ нѣкоторыхъ «выдающихся» производителей работъ. То и дѣло попадаются выраженія въ родѣ «рѣшительно непригоденъ», «совершенно непригодны» тѣ или другія земли, «а потому забракованы на всемъ протяженіи».

При этомъ г. Кауфманомъ, который самъ сомнѣвается въ правильности таковыхъ безапелляціонныхъ приговоровъ о земляхъ, не приводятся объясненія, почему лица, которымъ дано вершить судьбы земель Уссурійскаго края, такъ категорично бракують бѣольшую часть ихъ. Впечатлѣніе получается полной голословности, ибо чѣмъ болѣе человекъ клянется, что это такъ, а не этакъ, при чемъ, кромѣ горячности своей ничего къ этому не прибавляетъ, тѣмъ менѣе обыкновенно вѣрятъ ему люди со стороны, смотрящіе на дѣло объективно и требующіе доказательствъ. Не довѣряетъ этой горячей голословности и самъ г. Кауфманъ, и въ данномъ случаѣ онъ не неправъ. Но только объясненіе его этой «осторожности» въ выборѣ культурно-пригодныхъ земель въ соединеніи съ категорическимъ отрицаніемъ пригодности для заселенія ихъ со стороны чиновъ Уссурійской партіи болѣе чѣмъ странно. По его мнѣнію«успѣху изслѣдованій чиновъ Уссурійской партіи вредилъ тотъ зависѣвшій отъ всей окружающей обстановки и отъ прошедшей исторіи фактъ, что эти чины работали безъ вѣры въ успѣшность своихъ работъ».

Какъ это такъ? Какая можетъ быть вѣра въ дѣлѣ опытнаго изслѣдованія? И что же это за изслѣдованіе, когда сами изслѣдователи относятся къ краю, а въ частности хотя бы къ тому же горному массиву съ предвзятой мыслью «въ силу окружающей обстановки» (мнѣніе общества что ли?) и прошедшей исторіи (!?), и съ цѣлью доказать непригодность къ культурѣ незнакомой для нихъ мѣстности? Даже не доказать, ибо съ полгоря бы было, если бы были доказательства, а просто «изречь категорическое мнѣніе»? По нашему, здѣсь вѣра никакой роли не играетъ, а просто отсутствуетъ изученіе естественно-историческихъ усло-

віи края въ тѣхъ современныхъ методахъ и приѣмахъ, которые даютъ точный критеріумъ для опредѣленія пригодности къ заселенію той или иной части незнакомаго края. Разъ этого критеріума нѣтъ, то изслѣдователи будутъ блуждать въ потемкахъ. Получится тотъ фактъ, что Иванъ Федоровичъ осмотритъ кусокъ земли и скажетъ, что «нѣтъ, онъ очень гористъ, его нельзя заселять», а приѣдетъ Федоръ Ивановичъ и начнетъ убѣждать, что «гористость» отнюдь не мѣшаетъ, а что замѣчается вмѣстѣ съ тѣмъ «припадистость рельефа»¹⁾. Вотъ тутъ и разберись. Иванъ Федоровичъ почтенный, кажется, человѣкъ, и не вретъ, а вѣдь Федоръ Ивановичъ еще его почтеннѣе и вліятельнѣе. И сведется, въ концѣ концовъ, пожалуй, дѣло все на «вѣру» въ почтенность и вліятельность, ибо отъ доказательствъ наглядности причинъ культурной пригодности или непригодности какъ того, такъ и другого Богъ избавилъ. И вся эта осторожность, чрезмерно преувеличенная, сводится на простую путаницу въ понятіяхъ о культурной пригодности земель при отсутствіи критеріума болѣе точнаго и вполне выработаннаго. Отсутствіе такого критеріума даже самъ авторъ чувствуетъ, хотя и старается замаскировать его разными натяжками въ объясненіяхъ, ибо, конечно, неловко же ему сознаться при этомъ въ собственномъ грѣхѣ, кивая на другихъ. Въ одномъ же мѣстѣ онъ все-таки проговорился.

Такъ, не соглашаясь съ «данными» одного производителя работъ относительно непригодности къ культурѣ Даубихинской долины²⁾, авторъ говоритъ: «я не

¹⁾ Подлинное выраженіе автора, стр. 118.

²⁾ стр. 149.

нашелъ здѣсь именно тѣхъ сплошныхъ, непроѣздныхъ и даже непроходимыхъ болотъ, которыя, очевидно, по недостаточному знакомству съ естественными и хозяйственными условіями Уссурійскаго края, усмотрѣлъ здѣсь названный производитель работъ». *Dort ist der Hund begraben!* Вотъ въ этомъ-то вся сила и суть! Это «недостаточное знакомство съ естественными и хозяйственными условіями края» (помимо всякой вѣры, которая тутъ не при чемъ) ведетъ къ произвольнымъ выводамъ какъ чиновъ партій, такъ и самого автора. Въ результатъ получается тотъ печальный фактъ, констатируемый авторомъ, что нѣкоторые чины нарѣзали участки¹⁾ (въ районѣ рѣкъ Улахе и Даубихе) «потому, что надо было», «такъ что многіе изъ нихъ едва ли имѣютъ шансы на заселенія». Наконецъ, г. Кауфманъ самъ находитъ²⁾ нужнымъ», въ виду возникающаго вопроса о возможности передѣлки нѣкоторыхъ изъ образованныхъ въ этомъ районѣ участкахъ, закрыть для заселенія весь районъ (Улахе) впредь до новаго изслѣдованія» и объ этой передѣлкѣ участковъ авторъ неоднократно говоритъ.³⁾ Чѣмъ же вынуждается передѣлка уже образованныхъ участковъ? Къ чему является необходимость новой затраты силъ и средствъ? Очевидно, причиной является недостаточность изученія «естественно-историческихъ и хозяйственныхъ условій» этихъ участковъ. Мало того, даже является потребность въ временномъ закрытіи цѣлаго района для заселенія. Каково отразится эта мѣра на переселенцахъ, которые придутъ сюда въ надеждѣ найти здѣсь уже готовые и вполне образованные уча-

¹⁾ стр. 97.

²⁾ стр. 183.

³⁾ стр. 157.

стки! Даже страшно подумать о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти отъ подобной мѣры для жаждущаго населенія, населенія, ищущаго простора и новыхъ мѣстъ и поставившаго крестъ на своемъ «рас-сейскомъ хозяйствѣ». Все распродалъ мужичекъ, ѣдетъ за многія тысячи верстъ «на Амуръ», пріѣзжаетъ, растерявъ по дорогѣ часть семьи своей отъ разныхъ «дорожныхъ приключеній» и болѣзни, а тутъ ему говорятъ: «стой, голубчикъ, обожди, участки нарѣзаны, да ихъ еще надо передѣлывать, они еще недостаточно изслѣдованы въ хозяйственномъ и другихъ отношеніяхъ... ступай дальше». Каково это мужичку-то? И всему причиной все одно и тоже, о чемъ говорилось и ранѣе...

Относительно дальнѣйшаго хода работъ по колонизации и направленія ихъ въ краѣ, г. Кауфманъ высказывается, хотя изъ чужихъ словъ,¹⁾ но такъ своеобразно, при чемъ рекомендуются имъ такія средства и приводятся въ будущемъ такія необычайныя и удивительныя перспективы работъ, что нельзя пройти молчаніемъ это характерное мѣсто книги. Вотъ какую картину будущаго изслѣдованія (стр. 249) рисуетъ автора «послѣ бѣглаго (?!) предварительнаго ознакомленія съ райономъ черезъ кого-либо изъ производителей работъ (цѣль такого ознакомленія—выяснить, заслуживаетъ ли данный районъ подобнаго изслѣдованія) въ районъ командирруется производитель работъ съ двумя или тремя техниками. Въ указанномъ производителемъ работъ направленіи техники разбиваютъ сѣть треугольниковъ, исходя отъ вымѣреннаго при военно-топографической съемкѣ (къ которой вездѣ будетъ возможно примѣняться) базиса. Одновременно съ разбивкой сѣти, техники съ пунктовъ глазомѣрно за-

¹⁾ Завѣдующаго Уссурийской партіи.

рисовываютъ между лежащую мѣстность, а производитель работъ, объѣзжая районъ, знакомится съ его общимъ характеромъ и типами угодій, собираетъ данныя для описанія района и даетъ техникамъ указаніе относительно того, какія площади должны быть выдѣлены и какъ эти площади должны быть показаны при зарисовкѣ мѣстности».

Всѣ бы эти мечтанія автора о триангуляціи при изслѣдованіи были бы возможны и не поражали своей поверхностностью, если бы не было сдѣлано слѣдующаго вывода о «возможныхъ» результатахъ такого изслѣдованія:

...«Военный топографъ въ лѣто снимаетъ полный планшетъ, разсуждаетъ авторъ, двухверстнаго масштаба, т. е. около 125 тысячъ десятиныхъ; а такъ какъ для цѣлей рекогносцировки, предшествующей землеотводнымъ работамъ, требуется менѣе подробная съемка, а главное, не требуется изображенія горизонталей, то при такой рекогносцировкѣ техникъ, по разсчету чиновъ Уссурийской партіи (хорошъ разсчетъ!) можетъ отработать, по крайней мѣрѣ, вдвое бѣльшую площадь, т. е. не менѣе 250 тысячъ десятиныхъ въ лѣто, а три техника съ производителемъ работъ подробно обрекогносцируютъ огромную площадь въ 750 тысячъ десятиныхъ».

Читатель, не посвященный въ суть съемочныхъ работъ и задачу ихъ при опредѣленіи хозяйственныхъ угодій, не можетъ себѣ представить, какую колоссальную шумиху и какой невѣроятный абсурдъ проповѣдуетъ г. Кауфманъ, публикуя подобныя цифровыя соображенія. Дѣло въ томъ, что задачи хозяйственной съемки для опредѣленія угодій въ районѣ, проектируемомъ для заселенія, совершенно разнятся отъ цѣлей военно-топографической съемки. Эту разницу пой-

метъ третъеклассникъ гимназистъ, а не только взрослый человекъ. Объяснять это, значить, излагать самыя элементарныя правила геодези. Замѣчу только, что въ 1893 г. производилась съемка передъ образованіемъ переселенческихъ участковъ въ Акмолинской области (въ Петропавловскомъ уѣздѣ) въ одноверстномъ (1 верста въ 1 англ. дюймѣ, а не двѣ, какъ со-вѣтуеть г. Кауфманъ) и результаты такой рекогносцировки для колонизаціонной цѣли получились самыя плачевныя. И это еще было въ степи, гдѣ одноименныя и однокачественныя контуры угодьевъ тянутся на сотни десятинъ. И при такой съемкѣ всѣ сотни тысячъ десятинъ, «снятыя» на планшеты, поражая грандіозными цифрами, дали въ результатѣ одно недоумѣніе и, какъ уже ранѣе было упомянуто, потребовалась передѣлка заново чуть ли не всей работы цѣлаго лѣта.

Г. Кауфманъ хочетъ заставить техника «отработать» въ лѣто не менѣе 250 тысячъ десятинъ! И это въ лѣсисто-гористой мѣстности такой, какъ районы Уссурийскаго края! Это не степь, гдѣ во всѣ стороны видно пространство на разстояніи цѣлыхъ верстъ, а лѣсъ и горы. Для такого «изслѣдованія» авторъ забылъ одно обстоятельство, что техникъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи воздушнаго шара, летая на которомъ, онъ могъ бы «отрабатывать» такія громадныя пространства для колонизаціонныхъ цѣлей и съ высоты полета опредѣлять и «снимать лѣсъ и горы»... Если онъ доставитъ тремъ техникамъ съ производителемъ работъ по воздушному шару, то тогда они, можетъ быть, отработаютъ и болѣе 750 тысячъ десятинъ въ лѣто. А при современныхъ способахъ передвиженія начала XX вѣка проектъ такого «рекогносцировочнаго изслѣдованія» при самой неточной съемкѣ и имѣющихся средствахъ у топографовъ и производителей

Опротекта

Под №

ВЪ ТИПОГРАФІЮ К. И. КУ

записано

193 г.

работъ можно признать столь же «воздушно-мечтательнымъ», какъ и самыя «собственныя» изслѣдованія г. Кауфмана, о которыхъ уже упомянуто было при разборѣ настоящей книги.

Заканчивая разборъ этого отчета-книги г. Кауфмана, скажемъ, что ея дефекты лишь подтверждаютъ все сказанное въ предыдущихъ письмахъ относительно недостаточности существующихъ и ранѣе примѣнявшихся приѣмовъ опредѣленія культурной пригодности земель съ колонизаціонными цѣлями.

Если книга эта послужитъ хотя бы отчасти основаніемъ для дальнѣйшихъ мѣропріятій по колонизаціи Приамурскаго края, то нельзя ручаться за послѣдствія, которыя могутъ отразиться на новомъ его населеніи.

Въ качествѣ не «иноплеменнаго», русскаго человѣка, которому дороги интересы родины и ея народа на всемъ ея громаднѣйшемъ пространствѣ, скажу молитвенно: «Господи, спаси святую Русь отъ такихъ легкомысленныхъ «обслѣдователей», отъ «просвѣщеннаго» взгляда которыхъ зависитъ дальнѣйшая судьба російскаго населенія»!..

Заключеніе.

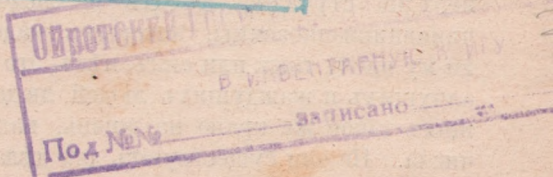
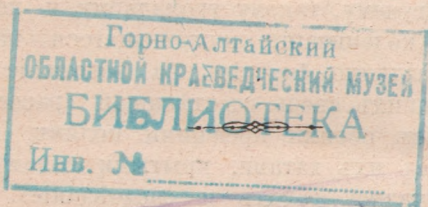
Читатель, имѣвшій терпѣніе прочесть эти «записки», спроситъ: «что заставило автора поднимать «эти» вопросы и къ чему онъ выворачиваетъ передъ публикой закулисныя стороны такого полезнаго дѣла, какъ колонизаціонное?»

Отвѣчу ему, что я писалъ какъ на исповѣди, не преувеличивъ изъ того, что было и есть, ни на іоту, и думаю, что онъ этому повѣритъ по тому тону, какимъ написаны эти «записки». Мною руководило желаніе принести пользу дорогому дѣлу, при которомъ я немало измучился и выстрадалъ среди всѣхъ вышеописанныхъ перипетій и «блужданій», ибо долженъ былъ дѣлать то же самое, что и другіе, и ничуть не отрекаюсь отъ общихъ ошибокъ, которыя проистекали изъ условій и обстановки колонизаціоннаго дѣла. Нельзя мыслящему человѣку хладнокровно относиться къ такому жгучему, такому громадному и полезному дѣлу, какъ колонизація нуждающагося населенія. Нельзя безразлично смотрѣть на положеніе новоселовъ, порвавшихъ связь съ тѣсными «рассейскими» губерніями, съ своими прежними полями, ихъ непитавшими, съ ихъ хатами, крытыми соломой, куда нерѣдко стучались голодь и «недоѣданіе». Это не чиновники-иноземцы, которыхъ надо пристроить къ 20-му числу такъ или сякъ, нѣтъ, это миллионная масса алчущихъ и жаждущихъ людей, людей сърыхъ, имѣющихъ такое же право на жизнь, какъ и люди 20-го числа... Не они существуютъ для дѣла и для лицъ, кормящихся «вокругъ и около дѣла», а дѣло и люди, стоящіе у этого дѣла, существуютъ для нихъ. Слѣдовательно, при малѣйшемъ промахѣ, который тот-

часть отразится на этомъ сѣромъ людѣ, необходимо немедленное средство къ его исправленію. А для этого требуется огромное вниманіе «лицъ у дѣла» и полная готовность придти на помощь каждому требованію, вытекающему изъ жизни «сѣрыхъ людей» и въ высшей степени развитая отзывчивость, граничащая съ самоотверженіемъ.

Гласность въ такомъ государственномъ дѣлѣ необходима, ибо открытіе закулисныхъ сторонъ исполненія самыхъ благихъ и рациональныхъ мѣропріятій правительства заставитъ подумать «дѣятелей», легкомысленно и «съ кондачка» относящихся къ своимъ обязанностямъ, надъ своей персоною. Это убѣдитъ ихъ еще разъ, что правда тѣмъ или инымъ путемъ всплыветъ наружу и не потонетъ въ пучинѣ бумагъ, не смотря на усилія иныхъ «бумажныхъ людей» ее затемнить и свести на нѣтъ...

П. Соколовъ-Костромской.

Под № _____ записано _____